

The book cover features a woman with long, dark, wavy hair and a black top, looking down. Her right arm is heavily tattooed with intricate, glowing patterns. In the background, a large, ornate, multi-tiered tower with many windows is visible, emitting a bright light from its top. The scene is set in a dark, rocky landscape with a small wooden building and a stream in the foreground. The title 'МГА' is written in large, stylized, white Cyrillic letters across the middle. Below it, the author's name 'ЕВГЕНИЯ РАЙНЕШ' is written in a smaller, white, serif font. A small circular logo with '16+' is in the bottom right corner.

МГА

МГА АЗаме

ЕВГЕНИЯ РАЙНЕШ

16+

Евгения Райнеш

Мга

«Автор»

2019

Райнеш Е.

Мга / Е. Райнеш — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10334-4

В старинном городе Нижнестранновске самым таинственным зданием считалось почтовое отделение, которое в народе называли Покатаюшкой. С детства Гай слышал страшилку о старой-старой посылке, которая уже сотни лет хранится на складе, ожидая, когда за ней явится адресат. Как она выглядит, что содержит и кто за ней должен прийти? Неизвестно. Такие легенды хороши, чтобы пощекотать нервы, пока не вторгаются в твою привычную жизнь. Гая же угораздило случайно наткнуться на странный свёрток.

ISBN 978-5-532-10334-4

© Райнеш Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Одиночка	5
Глава первая. Тёмные ночи, сумеречные дни	5
Глава вторая. Неприятности до востребования	11
Глава третья. Чаепитие с Аристархом Васильевичем	16
Глава четвёртая. Ваганька	22
Глава пятая. Кит начинает действовать	28
Глава шестая. Сбываются ли сны со вторника на среду?	35
Глава седьмая. Репетиция непонятно чего	43
Глава восьмая. Вечер под знаком чёрных лагиров	50
Глава девятая. Каждый охотник желает знать	56
Глава десятая. Негля	64
Глава одиннадцатая. И утром кошмар не закончился	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Часть первая. Одиночка

Глава первая. Тёмные ночи, сумеречные дни

Гай появился в Москве одновременно с ливнями. В то самое лето, когда с неба несколько дней и ночей подряд лило так неистово, что настала пора задуматься о божественном провидении. Вместе с потоками воды и грязи по городу растекались странные слухи.

Люди говорили, что на Нижегородской улице затянуло в водоворот внедорожник Тойота Ленд Крузер стоимостью около пяти миллионов рублей. Это случилось на глазах у прохожих, которые спасались на ограждениях от ливня, в один момент превратившего мостовую в бурлящую реку. «Крузак» искали, когда город вернулся к своей обычной жизни, но так и не нашли. Куда внедорожник делся, кому принадлежал, кто находился в нём, осталось тайной. Говорили ещё и о том, что ранее несколько автомобилей ушли под воду в Большом Ватином переулке, и никто и никогда больше о них не слышал.

Так же несколько десятков человек видели, как таинственный старик в ветхой одежде на площади трёх вокзалов в серой взвеси смога упал на колени и трижды перекрестился. При нём была длинная палка, в которой очевидцы признали посох. Поэтому появилась версия, что являлся перед Казанским призраком легендарного странника, которого монахи обители, когда-то расположенной на этом месте, не пустили на ночлег.

В это же время в другой части города небольшая группа туристов, переживающая непогоду в галерее, лицезрела, как изображение мёртвой девушки на знаменитой картине вдруг открыло глаза. Покойница приподнялась на локте, обвела задумчивым взглядом экскурсантов, произнесла что-то нечленораздельное и вернулась в своё первоначальное, художником определённое положение. Две женщины упали в обморок, очнувшись же, ничего не помнили, а чувствительный отрок пятнадцати лет потом ещё долго посещал невропатолога и логопеда с целью лечения тонической формы логоневроза. Никогда больше – ни до, ни после – утопленница на картине не оживала, и явление списали на игру теней во внезапно потемневшем зале.

Но, впрочем, это были просто слухи. Факты констатировали, что затопило Малую Бронную и другие улицы вокруг Патриарших, ушли под воду участки на Чистых Прудах и Хохловском переулке, в реку превратилась Большая Никитская, залило станции метро «Новогиреево» и «Охотный ряд». На улице Малахитовой и на развороте под Ростокинским мостом на северо-востоке столицы пришлось перекрыть движение. На одной из дорог по улице Измайловская, не выдержав оголтелой массы воды, провалился грунт. Во всех аэропортах города одновременно произошёл сбой в системе диспетчерской, что привело к отмене рейсов.

Самолёт, на котором летел Гай, был в числе тех немногих, что умудрились проскочить на посадку в мелькнувшем окошке ясного неба среди туч. То ли ливни встречали Гая, то ли он привёз их с собой из провинциального Нижнестранновска.

– Я разберусь, – сказал Кит. Он вытащил из кармана кредитную карту и протянул её Гаю. – Обязательно разберусь.

– А мне сейчас что делать? – Гай уже даже не пытался казаться бодряком.

– Подожди. – Кит ткнул пальцем в кредитку. – Тут немного, но с голода не умрёшь. Ты мне точно всё рассказал?

Гай растеряно кивнул.

– Ладно. И вот ещё...

Кит чиркнул зажигалкой у фитиля длинной свечи, другой рукой, не глядя, нашарил выключатель у самой двери и щёлкнул кнопкой. Свет погас. По стенам тут же заплясали тени,

которые отбрасывало и размножало крошечное пламя. Комната стала похожа на пещеру Алла-дина, полную сюрпризов и опасностей.

– Лишний раз не светись. Дом не так давно расселили, будут сносить, вот когда – неизвестно. Пока есть вода, канализация, электричество. Так что будешь хоть с минимальным, но комфортом. Только... Извини, брат, но интернета здесь нет. Вообще. Так что в случае необходимости придётся тебе идти куда-нибудь ещё. В общем, никаких котиков.

– Каких котиков? – оторопело спросил Гай.

– Это я так, на всякий случай. Теперь уже никаких... И, да, порнуха тоже отменяется. Прости, друг...

Кит вдруг весело подмигнул ему и скрылся за дверью. Он всегда к месту и не к месту говорил про порнуху. Наверное, думал, что эта шутка – его самая крутая фишка.

Гай оглядел комнату. Она оказалась настолько крошечной, что всё необходимое теснилось на расстоянии вытянутой руки. Небольшой квадратный шкаф из Икеи, относительно новый, рядом – складная столешница, прижатая стене, чтобы освободить хоть немного пространства. Комод – старый, потрёпанный, без половины ручек. Два на вид не очень прочных стула.

Жить можно...

– Наверное, – подумал Гай.

Он снял фонарь-подсвечник с крючка и вышел в коридор. Отправился осматривать свои внезапно приобретённые владения, как старинный ключник в барском доме. Гай начал даже непроизвольно подшаркивать ногами, что как нельзя кстати соответствовало моменту.

Ещё две комнаты были закрыты крепкими металлическими дверьми. И за одной, и за другой стояла нежилая тишина. Потрёпанный старый половичок в прихожей всё ещё встречал гостей в покинутой квартире. Дом не производил впечатление стремительно сданной крепости, из которой побеждённые бегут в панике, беспорядочно хватая всё, что попадётся под руку. Из этой цитадели уходили с чувством, толком, расстановкой. Взяли то, без чего не обойтись, оставили старое и быстро возобновляемое. В ванной ещё теснились пыльные баночки с остатками шампуней, в мыльнице расплзлось расквашенное и опять застывшее мыло. Всюду царил терпеливое ожидание. Будто хозяева просто задержались в отпуске дольше, чем рассчитывали изначально.

Ключник Гай зашёл в кухню, поставил фонарь-свечу на один из пыльных коммунальных столов, приоткрыл створку окна, сел на подоконник и закурил. Если не брать во внимание печальные личные обстоятельства, то этот летний вечер, краем уже задевающий ночь, можно назвать прекрасным.

Окна выходили в небольшой двор-колодец, сверху казавшийся закрытым и непроходимым. Но Гай уже знал, что где-то во дворе, чуть сбоку, кроется сквозная арка, вытянутая, как труба, и испещрённая кричащими граффити. Когда они с Китом вошли во двор, он почувствовал арку по сквозняку, отдающему спрессованной мочой и многолетней сыростью.

Наверху, у раскрытого окна, пахло близким небом. Тянуло прогретой за день листвой старого дерева. Оно доверчиво лгнуло к водосточной трубе и вместе с ней доходило до самой крыши. Гай мог бы потрепать его крону, если бы хорошенько высунулся и протянул руку, но ему было лень совершать какие-либо движения, не имеющие насущного смысла.

Только мягкая тень Гая, рождённая трепетным огнём свечи, бесшумно скользила по граффити, карабкалась по стенам, прыгала с крыши на крышу разноуровневых сараев и домов, топивших двор в колодце. Она казалась настолько свободной и безграничной сейчас, что Гаю на секунду померещилось: всё будет хорошо. Да, это всего лишь сон, и он вот-вот проснётся у себя дома в Нижнестранновске. Или, что ещё лучше, Кит позвонит и скажет, что он разобрался в этом незначительном недоразумении, и все даже извиняются перед Гаем, и пора воз-

вращаться в свою привычную жизнь. Можно, кстати, даже и без извинений, только бы всё оказалось ошибкой...

Он всецело надеялся на Кита, который всегда знал, как поступить в том или ином случае. И решения принимал уверенно и мгновенно. Когда перепуганный Гай позвонил ему (прячась за сараем во дворе, а в этот момент дверь в его квартиру выбивали ребята из особого отдела), Кит нашёл момент, чтобы пошутить.

– Самое главное: порнуху-то спрятал? – спросил Званцев со своим обычным полусмешком, и тут же стал серьёзен:

– Быстро в аэропорт, и ко мне. Встречу. Скорее всего, в базу ты ещё не попал. Пока они данные передадут, пока система заработает...

Всего несколько часов назад...

В безмятежность вечера ворвалось что-то постороннее, неприятное. Гай прислушался. Откуда-то из подъезда, по ту сторону входной двери, часто и дробно просыпалась тревожная суета: лопочущий топот, молчаливое нашествие.

Он с сожалением поднялся с подоконника, вышел в коридор, цыкнул на всякий случай, чтобы этот непонятный шум его испугался. И открыл входную дверь. На лестничной клетке было темно, но сразу понятно, что какие-то маленькие зверьки мечутся в беспорядочной панике по пролётам. В движении серые шкурки обнаруживали себя промельками, возникали и тут же гасились.

В темноте сквозь немое шуршание прошелестел тихий и спокойный человеческий голос.

– Вода поднимается? – вопросительно охнул таинственный обитатель опустевшего дома. – Когда начнётся?

После секундной паузы, которую заполняла только суетливая тишина, он опять очень тихо, но разборчиво прошелестел:

– Значит, ждём гостей?

Опять небольшая пауза: кто-то, неслышный Гаю, отвечал невидимке.

– Уже скоро? – опять ухнул тихий шелест, прошуршав по лестничным пролётам.

В ответ неожиданно раздался отчаянный писк.

– Ну, чего раньше времени панику разводить, – успокоил пищавшего всё тот же рассудительный баритон. – Будем готовы, а там уж и посмотрим, кого нам...

Скрипнула в темноте лестничного пролёта дверь, и сразу стало пустынно и тихо. Гай постоял ещё несколько секунд на пороге, убедился в том, что никто не топает, не суетится, не разговаривает, и вернулся в квартиру.

Он остановился на пороге кухни. В полосе синего света на полу, принесённого бог весть каким образом от далёкого уличного фонаря, пёстрой кучкой валялся разодранный в клочья блок сигарет, оставленный Гаем на кухонном столе. Его явно рвали зубы мелкие и частые... Крысиные. Гай стремительно вылетел в коридор, затем – в туалет, где его долго выворачивало горькой желчью. Воняло никотином и почему-то – настойчиво —слежавшимся туалетом арки. Он долго чистил зубы, пытаясь избавиться от ощущения мокрой грязной пыли и выблеванных чесночных баклажанов, которые он ел на завтрак ещё в Нижнестранновске.

Нижнестранновск. В тот же день, утром.

– Гаевский, – Леонид, хозяин магазина, появился на пороге в очень неподходящий момент. Гай только что открыл пластиковый контейнер, собираясь пообедать, и в запах канцелярии настойчиво и торжествующе внедрялся аромат свежесжатого чеснока. Он плыл по полкам с детективами и учебниками, торжествующе захватывал в плен стопки общих тетрадей, прошнурованных спиралями, и опошлял своим присутствием трепетные и страстные обложки дамских романов. Баклажаны, обжаренные в чесноке, были вкусны и пикантны, но очень уж ароматны для небольшого помещения книжного магазина.

Гай застыл, придавив языком остро щекочущий ломтик. Он чувствовал, что в углах губ размазался густой белый соус, но боялся, что высунутый язык будет воспринят Леонидом, как издевательство. И повлечёт за собой дополнительные репрессии.

Хозяин недовольно поморщился:

– Я же просил вас, Гаевский, не жрать на рабочем месте. У вас есть чёткое обеденное время, вполне достаточное, чтобы утолить голод где-то вне моего храма искусств.

Леонид так и говорил, перемежая слова типа «жрать» с речью высокопарной. «Утолить голод» было тоже из его лексикона. А «храмом искусств» он почему-то называл свой маленький магазинчик, который считался книжным, но чем дальше, тем больше становился лавкой, в которой торгуют всякой всячиной. Вроде рыночного павильона «Всё за 100 рублей». Слаженными кучками по прилавку рассредоточились точилки для карандашей, резинки для волос с блестящими бантиками, разноцветные ластики, пластиковые браслеты, всевозможных видов карандаши. На полках пылились старомодные картонные файлы для документов, липкие от долгого лежания, вскрытые упаковки мультифтор, которые Леонид решил продавать поштучно, коробки с акварельными красками, детские книжки, разрисованные яркими и весёлыми до идиотизма мордами невиданных существ. Были и книги, только мало. Лучше всего шли дешёвые любовные романы в мягких обложках, вот эта полка никогда не пылилась. В городе ещё оставалась очень небольшая кучка книгофилов, но они предпочитали заказывать книги определённые и по интернету.

Леонид, раздражённый тупым молчанием (рот забит, а жевать пойманный с полочным Гай не посмел), махнул рукой, театрально прикрыл глаза:

– Зайдёшь сегодня в Покатаюшку, там бандероль с заказом пришла...

И вышел, тяжело вздыхая. Гай был сыном старого друга, который несколько лет назад умер от инфаркта, оставив мальчишку на попечение Леонида. По его мнению, Гай являлся парнем бестолковым и не очень умным, но старинная дружба обязывала. Приёмьш закончил университет по абсолютно бабской филологической специальности, так ни разу и не воспользовавшись единственным преимуществом – гаремом филологических девиц всевозможных конфигураций и душевных порывов. Парней на филфак брали с большой охотой и тянули до последнего, только бы они имели место быть. Насколько Леониду было известно, Гай ни с кем не встречался, остался абсолютно равнодушным к лобовым и касательным атакам барышень. А ведь совсем не урод – выглядел высоким, если бы не сутулился, светлоглазый, русоволосый, только лицо из-за сидения перед компом приобрело землистый оттенок, отчего Гай постоянно казался нездоровым.

На самом деле в жизни Гая не существовало ничего столь настоящего, как придуманные приключения. Игры и аниме. Там, внутри этого мира, бушевали страсти, космические корабли уходили к далёким планетам, рыцари и менестрели отправлялись в неизведанные путешествия, попаданцы вдруг открывали глаза в неведомых мирах, заново рождённые воины рун приходили в себя на развалинах древних храмов. В дебрях рисованных фантазий Гай был героем, иногда – богом, иногда – магом. Ему нравилось снова и снова начинать жизнь сначала, с чистого листа. Судьба в лице всё знающих режиссёра и сценариста ставила перед ним цели понятные, повороты сюжета – предсказуемые, и подруг давала на вечер-другой фигуристых, милых и необременительных. В крайнем случае, при любом раздражающем факторе, это приключение всегда можно переключить на другое.

Гай предпочитал время, отпущенное ему судьбой, проводить в фантазиях. Богом, конечно, быть гораздо интереснее, чем филологом-неудачником, а, кроме того, в глубине души он понимал, что для жизни, наполненной реальным драйвом, не подходит. Так как натурой обладал мягкой и чувствительной, редко способной постоять за себя. Окружающим казался сонным и нерасторопным, но был вовсе не глуп. Скорее, эта видимость происходила от его

постоянной внутренней погружённости в свои мысли, которые казались гораздо интереснее, чем разговоры с родственниками и знакомыми. С незнакомыми, впрочем, тоже.

Гай наконец-то прожевал уже безвкусный кусок баклажана и закрыл контейнер. Он любил «курьерскую» обязанность, которая позволяла выбираться среди бела дня из неизменно пахнущего книжной пылью магазина и прогуливаться, не спеша, через два квартала, где за густо засаженными рябинами синела, сливаясь с небом, крыша небольшого, очень старого дома.

Москва. Несколькоми часами позже

Гай спал и видел уже неизвестно какой сон. В смысле, по счету. Что-то фантастическое, где он – в рядах блестящих серебром роботов, в руках у всех нереально огромные огнемёты, и ему не страшно, а даже как-то упоительно поливать огнём незнакомые улицы во сне. А когда ему захотелось остановиться и осмотреться, оказалось, что как раз осмотреться совершенно невозможно. Потому что он был впаян невидимыми, но совершенно неразрывными нитями в ряды этих роботов.

Гай пытался кому-то сигнализировать, что он в этом едином металлическом организме оказался абсолютно случайно («Это все из-за сна», – во сне кричал он), но тот, кто руководил этой блестящей армией, был недостижим и глух к любым мольбам. А потом Гай увидел, что все эти роботы – вылитый он, Гай, просто одно лицо, размноженное на тысячу копий и посеребрённое краской.

И ещё его сводило с ума то, что любое его движение волной прокатывалось по спаянным рядам. Все клоны тут же повторяли даже еле уловимое подёргивание глаза в нервном тике. И Гай, как часть этого странного механизма, чувствовал каждого в этой армии, и невольно копировал множество самых противоречивых команд, идущих от чужих организмов. И понимал, что если он прямо сейчас не научится согласовывать с другими свои действия, то погибнет. Тогда Гай отпустил свою волю и слился мыслью с клонами воедино, и почувствовал животный восторг от того, что он часть чего-то великого.

Он мутно ворочался, сбивая в комок простыню, и всё бежал и бежал куда-то, воодушевлённый не своей волей, а навязанным восторгом извне, поливая из нереально огромного огнемёта тревожно пустые улицы незнакомого города.

А вместе с ним глубоко внизу: под диваном, полом, двумя этажами пустых квартир, земли и проржавевших скреп металла прорывалась на волю речка Рачка. Просыпалась, закопанная в тугие тиски подземного коллектора, набухала в ненадёжном обруче съеденной временем стали, требовательно давила вглубь и вширь.

Подмога в виде грязевых потоков талых и дождевых вод приходила с севера. Всегда приходила с севера, и массы вольной воды, обтекающие каменную обитель Владимира, на востоке от старинного храма вливались в Рачку, а та уже неслась безудержно дальше, к Москве-реке, шумно и грязно.

Препятствием была для весёлой, чумазой Рачки Церковь Троицы во Грязях, возведённая на её заболоченном берегу. Но Речка не считалась с Троицей: из Поганных ворот через трубу в Белой стене прямо в церковный двор выливалась сначала лужами, а, разойдясь, прорывалась потоком. Однажды, подтопленная грязевыми стоками Рачки, рухнула в Храме колокольня с нижней и верхней трапезной, а следом и свод храма. После этого речку – то ли в наказание, то ли в воспитание – сковали трубой, опустили под землю, вывели из Белого города к Яузским воротам.

С тех пор большую часть времени Рачка спала себе под землёй, но раз в несколько десятилетий, напившись от потоков талых и дождевых вод, выходила из преисподней. То впадина на крутом повороте Хохловского переулка вдруг зальётся настоящим прудом, то на Яузской улице размоет из-под земли и ухнет провалом асфальт.

И пока рвался Гай из металлического кольца роботов, вместе с ним, бурлящей по жилам кровью выбивалась подземная речка из заточения. Проломила сдерживающие тёмные воды руны Истру и Даро, просочилась в местах надломов смутными тенями. Там, где вышла на поверхность речка, появились из сгустившегося воздуха старинные строительные конструкции, фрагменты кованой ограды фигурного моста, канувшего вместе с ней в небытие когда-то очень давно. Только зыбко, всё в пелене дождя, нереально. Покачался вчерашней тенью фрагмент тут, фрагмент там, да и скрылся, будто не был. Туда же канул и бледный образ, скорее контур, напоминающий человеческий, что вцепился неистово в перила призрачного мостика.

Почти растаяли ночные тени, когда Гай вдруг очнулся. Не сам проснулся, от шума, непонятных всхлипываний и очень влажного сквозняка. Он лежал ещё совсем немного, пока явь просачивалась сквозь тяжёлые веки, затем понял, что замерзает, и тогда лениво поднялся и подошёл к окну, от которого и шла промозглая свежесть. В беззвёздной темноте неестественно прямо, перпендикулярно земле, падал ливень. И без того тусклый фонарь над подъездом теперь казался совсем inferнальным, свет от него сочился мертвенно синий, и он не столько освещал двор, сколько подчёркивал темноту.

Прежде, чем закрыть окно (что Гай и собирался сделать с самого начала), он уловил во дворе странное движение. Что-то переливалось в нитях дождя поблёкшей серебринкой от шоколадной конфеты. В небе гроыхнуло, треснуло, сверкнуло и на секунду ярко осветило двор. Гай ясно увидел, что в угол арки вжался человек. То ли женщина, то ли хрупкий подросток. Длинные волосы мокрыми прядями вместе с дождём струились по облепившей тело тонкой рубашке, спускавшейся ниже колен, худые руки обхватили трясущиеся плечи. Существо, издавека напоминавшее робота, из тех, с которыми только что Гай мчался по улицам во сне, маячило светлым пятном на фоне стены, испещрённой затейливыми вензелями граффитистов. Человек был напуган, одинок и близок к истерике.

– Извините! – крикнул Гай, поддавшись секундному жалостливому порыву. – Вам нужна помощь?

Фигура дёрнулась от его крика, запрокинула вверх лицо. Тут молния полыхнула второй раз, и Гай удостоверился, что это женщина.

– Подождите! – опять совершенно не зная зачем, закричал он, – я сейчас спущусь...

– Кто вы? – голос утонул в раскате грома, и, кажется, она сказала ещё что-то, но Гай этого уже не услышал. Захлопнул окно, не включая свет, нащупал джинсы, быстро влез в них, чиркнул зажигалкой, зажигая свечу, и бросился в коридор. Пока бежал вниз по нежилому подъезду, подумал, что свечку сейчас же и зальёт дождём, оставил её на ступеньках и рванул входную дверь.

Двор был пуст. «Разве она могла убежать так быстро?», – растеряно и даже как-то обиженно подумал Гай, – «И зачем? Я же просто хотел помочь».

Ему хотелось пригласить её к себе, дать полотенце, налить горячего чая. И пусть хоть молча, но сидеть вот так, рядом с теплом ещё какого-то человека. Чувствовать, что он не один на земле.

«Дыхание», – тоскливо понял Гай, опускаясь уже все равно весь промокший на подъездное крыльцо. Ему не хватало человеческого дыхания. Он посидел так под проливным ливнем, довольно долго, затем повернулся и пошёл назад. Свеча, оставленная в подъезде, всё ещё горела.

Глава вторая. Неприятности до востребования

Нижнестранновск. В тот же день, утром

Если в каждом, даже самом невеликом городе есть свой «дом с привидениями», окружённый мистическими слухами, то в Нижнестранновске это точно была Покатаюшка. Так в городе называли почтовое отделение, в котором изначально располагалась ямщицкая слобода. Некоторые строения совсем обветшали и развалились, но главное здание сохранилось в удивительно сносном состоянии и до сих пор верно служило почтовому делу. Прозвище же его шло от легенды о хулиганистом бесёнке по имени Покатай, который очень любил шутить над ямщиками и почтовыми людьми.

Говорили, что постаревший и подрастерявший задор Покатай до сих пор стережёт старую посылку, которая уже триста лет хранится на складе. И только тогда бесёнок уйдёт совсем на покой, когда за ней явится адресат. Кто именно должен прийти за посылкой? У нижнестранновской детворы имелись разные версии. Каждый вытаскивал из глубин подсознания свой собственный ужас, и к общему мнению ни одно поколение детей так и не пришло.

Одноклассник Гая настолько заболел идеей найти таинственную посылку, что сразу после выпускного устроился работать в почтовое отделение. Сначала Тёмыч собирался провести там один месяц, но остался до осени, а затем и совсем остался. Знакомые недоумевали: что молодой и непьющий парень делает среди женщин преклонного возраста, но постепенно привыкли, что в любое время года и в любое время суток Тёмыча можно найти тут – среди картонок, ящиков и бумаг. Незаметно он даже сделал небольшую карьеру, стал начальником этого не самого престижного отделения. Тёмыч ссутулился, высох, начал носить очки, и вскоре сам стал похож на клочок коричнево-бледной мятой бандерольной упаковки.

Он всё свободное и несвободное время проводил в выстраивании графиков вхождения Венеры в Сатурн, общался с кучей астрологов в интернете, и пребывал в полной уверенности, что сможет с помощью определённых положений и состояний луны высчитать место и время, когда и где именно таинственная посылка проявится в реальном мире. Тёмыч караулил появление призрачного послания из прошлого уже годы, все знакомые постепенно оказались в курсе этого, и относились к непонятному, но неистовому стремлению, как к милой странности. Тем более что половина одноклассников к настоящему времени либо спилась, либо канула в неизвестность.

Единственным из них, сделавшим замечательную с точки зрения жителей Нижнестранновска карьеру, был Никита Званцев. В старших классах случилась жуткая трагедия – погиб лучший друг Кита, и бабушка забрала мальчика в Москву. Там Званцев закончил школу, а сейчас руководил фирмой, которая занималась установкой европакетов.

Года два назад Кит неожиданно дал о себе знать: нашёл номер телефона Гая, позвонил, расспрашивал о том, как протекает жизнь в Нижнестранновске. Гай удивлялся, но на вопросы отвечал добросовестно и подробно. Кит после этого разговора звонил довольно часто, настойчиво тянул к себе Гая, который, конечно, собирался предпринять некий высокий скачок к качеству грядущих лет, но как-то невнятно и лениво. «Когда-нибудь», – так говорил сам себе Гай, а для Кита придумывал кучу отмазок – дел, которые мешали ему немедленно изменить свою жизнь. До этого самого дня.

Гай шёл по знакомым до мельчайшей былинки провинциально пыльным переулкам, не замечая привычной с самого рождения патриархальной тишины и глухоты окружающего мира, а когда переступил порог Покатаюшки, сразу понял, что Тёмыч сегодня не в себе. Ссутулившись за старомодной ободранной конторкой, от которой даже на расстоянии вкусно пахло рассохшимся деревом, начальник отделения смотрел куда-то в окно на почти лысый тополь, раскорячившийся здесь, кажется, тоже с начала времён.

– Привет, – Гай постучал костяшками пальцев по конторке прямо у локтя Тёмыча. Тот медленно повернулся и посмотрел взглядом растерянным и совершенно отчуждённым.

– Ты чего сегодня совсем какой-то странный? – удивился Гай. – В смысле, ещё страннее, чем обычно.

Тёмыч дёрнулся на звук его голоса и внезапно перешёл в лихорадочное состояние.

– Только не удивляйся, ладно? Я и сам ещё не до конца уверен... Но кажется... Гаевский, я, кажется, нашёл её, – он заговорил быстро и бессвязно, как будто находился в изрядном подпитии. – Только я теперь совсем... Совсем не знаю, что мне с ней делать... Совсем не знаю, Гай... Я боюсь открыть её, и боюсь, что это окажется не она... Но не может быть, чтобы я ошибся...

Гай тоскливо подумал о том, как ему побыстрее забрать бандероль с книгами и оставить странного сегодня приятеля наедине с размышлениями.

– Ага, – сказал он, кивнув для большей убедительности. – Ты не ошибся. Точно, не ошибся. А теперь дай мне вот это...

Гай протянул возбуждённому Тёмычу уведомление о ценной бандероли.

– Ну? Знаешь, как всегда, Леонид потом заскочит и всё подпишет. В конце дня, часиков в семь. Так он сказал.

Тёмыч зачем-то повертел уведомление, даже не взглянув на него, и, передвигаясь как сомнамбула, ушёл вглубь комнаты по ту сторону конторки, но буквально через минуту вышел с пустыми руками.

– Гаевский, – каким-то хриплым, не своим голосом произнёс этот вдруг ставший чужим Тёмыч. – Я тебя очень прошу, Юль, посмотри ты, а? Просто посмотри, а я тебе кофе пока соображу... У меня сахар есть, Гаевский. И печенье. Вера Михайловна вчера принесла. И ещё свою бандероль заодно заберёшь. Хорошо?

– Да чего с тобой случилось-то, Тём? – Гай пытался оторвать от себя крепко и больно вцепившееся пальцы бывшего одноклассника. – Чего мне посмотреть, скажи: какие проблемы?

– Посылка... – прошептал уже очень тихо Тёмыч, как будто сам не верил в то, что говорил. – Полнолуние. Я пошёл среднегабаритные не востребовавшие отправления посмотреть, а она там, среди них. Такая же, как и все, но совершенно другая. Полнолуние было, Гаевский...

Он жалобно посмотрел на Гая:

– Всё точно так, как я и предполагал. Полнолуние, Луна в Юпитере, Сатурн в зените. Всё сошлось. Я многие годы ждал этого, а сейчас оказалось, что совершенно не готов. У меня руки трясутся и голова тяжёлая. Хочу открыть, а не могу.

Тёмыч демонстративно протянул перед собой руки. Они точно дрожали.

– А... – сказал Гай и улыбнулся. – Давай сюда свой груз-призрак. Посмотрим...

Он снисходительно относился к чудачествам Тёмыча. Просто подумал, что это очередная не востребовавшая посылка, потерянная и вдруг выпавшая из недр склада. Такое бывало уже.

– Там, – осторожным жестом, боясь потревожить притихших духов, показал куда-то вглубь за конторкой Тёмыч. – В центре склада на полу стоит. Ты её сразу узнаешь.

– Ладно, – пожал плечами Гай. – Схожу.

Он протиснулся в загромождённый пустыми и полными коробками коридор, тёмный и всегда заставленный всякой всячиной. Миновав этот лабиринт, Гай оказался с другой стороны старого здания, выходящего в заросший высокой травой двор.

По своему опыту он знал, что в высоких дебрях травы притаилась крапива. Тёмыч каждый год клялся прокосить всю эту бурную растительность, но у него всё не хватало времени, и трава стояла – высокая и торжествующая – до самых холодов. И ещё потом долго тянулась из-под белых сугробов, уже вялая и пожухлая, но до последнего не сдающая позиций.

До зимы ещё было далеко, и Гай старался не сходить со слабой тропинки, натоптанной к складу, дабы не ошпарить ноги. Он зашёл в складскую дверь, которая оказалась не только открытой, а открытой нараспашку. Кажется, Тёмыч, попавший в плен своих диких фантазий, скрылся с места действия спешно и не оглядываясь.

На складе, как и положено, царил темень, только под низким потолком противно и раздражающе мигала, не переставая, тусклая лампочка. Судя по всему, она намеревалась вот-вот перегореть уже несколько месяцев. Гай оказался окружённым многоэтажными стеллажами, с которых к нему взывали так никому и не пригодившееся старые коробки. Некоторые из них томились здесь уже не первое десятилетие, и словно забытые узники с нар, они неслышно молили его о свободе.

Нужная посылка стояла посередине склада. Он подошёл совсем близко, присел на корточки, пытаясь разглядеть какие-нибудь особенные знаки, которые убедили Тёмыча в её исключительности. Ничего Гай на коробке так и не увидел в полутьме. Он просто взял её в руки и понёс на свет. Ему самому вдруг стало невероятно любопытно, что там может быть внутри.

На свету коробка оказалась чересчур приличной, новой, гораздо новее, чем она являлась по легенде. Гай уже усомнился в том, что он взял именно нужное, когда увидел на плотном картоне необычные знаки. Кажется, старая, ещё дореволюционная печать почты России.

Не иначе хулиганистый и залихватский ямщицкий бес древнего здания почты, которое служило ямщикам когда-то так же и постоянным двором, вселился в Гая. Да, не иначе это и был он – самый что ни на есть древний ямщицкий Покатаюшка, который заставил Гая тут же потянуть верёвку не принадлежащего ему отправления.

Тёмный плотный смог спустился в одну секунду на землю, накрыл запущенный двор бывшей ямщицкой слободы, зачернил высокую траву, влажной духотой обнял, сдавил, затрудняя дыхание. В смоге, что издревле звали в местах этих мгой, откуда-то со стороны давным-давно разваленных конюшен раздался ясный смех, отскакивающий от старых бетонных плит. Жёсткая верёвка, залитая неистово крошащимся сургучом, на удивление легко поддалась, освобождая стянутый узел.

У Гая в руках оказалась огромная расхристанная бумажная хризантема. В освободившееся прорехи полезли клочки старинных газет. Под ними оказались ещё какие-то газеты, потом шли куски грубых, скрученных тряпок, а потом – опять газеты. Чудо, что он заметил, как из этого вороха явно подставных бумаг что-то выпало, робко сверкнув зачернённый старым серебром. В подставленную ладонь упал плоский четырёхугольник, подвешенный тонкой цепочкой к креплению. Женская серёжка.

Гай осторожно перебрал рассыпающуюся посылку, безнадёжно осмотрел траву вокруг себя. Второй серёжки нигде не наблюдалось. «Глупость какая-то», – пожал плечами Гай. Кому понадобилось посылать целую кучу мусора и прятать в нём старое украшение, к тому же не имеющее пары? Он внимательно посмотрел на верхний слой бумаги. Очевидно, когда-то здесь был написан и адрес, и имя адресата, но со временем все опознавательные знаки расплылись невнятными чернильными кляксами.

– Зачем я вообще вскрыл этот странный свёрток? – Гай взял в охапку раскуроченный пакет и, зажав в ладони единственно понятную вещь в этой посылке, отправился каяться Тёмычу.

Ещё издалека Гай понял, что Тёмыч не один. Кто-то отчаянно и убеждённо, щедро снабжая свой громкий монолог матами, пытался давить на начальника отделения.

– Твою мать, Тёма, я же прошу только подержать у себя несколько дней! В коробки свои запрячь, я послезавтра зайду и заберу!

Тёмыч слабо сопротивлялся, его голос тихо шелестел по пустому отделению, но собеседник балансировал на грани отчаянья:

– Да что тебе от этого плохого будет? Постоит моя коробочка пару дней, а ребята тебе за это чуть-чуть ещё и бабла подкинут. Ты только не говори никому, лады? Тётки куда не нужно не полезут, и вообще у тебя тут чёрт ногу сломит.

Гай наконец-то узнал голос ещё одного бывшего одноклассника. Он давно не видел Крошку, но ходили слухи, что тот то ли загнулся от наркоты, то ли надолго закрылся на зоне. Оказывается, вон он – вполне себе на свободе и живой. Как со школьной видеозаписи: глаза бегают, редкие белёсые волосы прилипли ко лбу, он всё так же потеет от волнения. А сейчас даже щека у Крошки дёргалась нервным тиком. Словно бывший одноклассник отбивал лицом азбуку Морзе: точка-тире-точка. Даже появление Гая отразил слабо: дёрнулся, затем понял, что вновь появившийся не опасен, потерял всякий к нему интерес. Кажется, даже не узнал. Продолжал напирать на Тёму и в то же время канючить:

– Да будь ты человеком, выручи ещё один раз... Вот сейчас, последний раз, а больше ни-ни, сам справлюсь.

На стойке конторки лежали две небольшие фирменные почтовые коробки. Одна из них явно была с редкими книгами для клиента Гая. Вторую Крошка пихал в сторону сопротивляющегося Тёмыча. Тёмыч отрицательно качал головой. Чувствовалось, что ему хочется сбегать Крошку с глаз как можно быстрее. И никогда больше не вспоминать о нём.

Он заметил растерзанный пакет в руках Гая. Всем своим существом рванул к посылке, уже не обращая внимания на цепляющегося одноклассника.

– Пойми ты, за мной сейчас... – с дикой тоской в голосе вскрикнул Крошка, а дальше события приняли совершенно ирреальный оборот. Из мистического ужастика Гай попал в криминальный боевик.

Дверь в почтовое отделение с диким шумом отворилась, в помещение ввалились огромные собаки с азартно высунутыми языками, а за ними – какие-то люди. Люди кричали, собаки лаяли, Крошка выл, Тёмыч вырывал пакет из рук Гая. «Стоять, не двигаться», – прогремел кто-то страшным голосом. Крошка в одну секунду перепрыгнул конторку, коротко, но больно навалился на Гая. И тут же побежал в глубину заставленного посылками коридора. Тёмыч удивлённо и сонно хлопал глазами посреди всего этого карнавала, такого дикого и нелепого в его полумёртвом заведении.

Гай, на которого надвигались угрожающей стеной возбуждённые собаки и люди в полицейской форме, обнаружил, что прижимает к себе целую кучу резко увеличившегося в размерах барахла. Он дёрнулся вслед за Крошкой по тёмному коридору. Перескакивая ящики и коробки, которые тут же с грохотом валились за его спиной, устремился на задний двор, судорожно пытаясь понять, почему и куда он так неистово несётся. Выскочив в высокую траву, где ещё несколько минут назад он рассматривал странную посылку, всё ещё мешающуюся в руках, Гай рванул в сторону разрушившихся строений, в которых когда-то располагались конюшники конюшни. За ним неслись шум, грохот, ругань и лай собак. Не то, чтобы страшно, а как-то непонятно и нереально.

Гай залетел в обветшавшие каменные руины. Крыша в бывшей конюшенной уже давно обвалилась, а плиты, ещё оставшиеся на месте разделительных стоек, торчали обрубками из густой высокой травы, что вперемешку с крапивой заполонила весь двор особняка. Только сейчас, выдохнув, Гай понял, что всё ещё держит в руках коробку. Коробка была незнакомая. В ней перекатывались какие-то мягкие, небольшие мешочки. «Это, наверное, то, что пытался спрятать у Тёмыча на складе Крошка», – дошло до Гая, и тут же он понял, что, скорее всего, это и есть та самая наркота. В голове сложился логический пазл: коробка с наркотиками у него в руках, Крошка, полиция с собаками, и он почему-то убегает от них. Дело принимало очень-очень дурной оборот, это понял сразу даже мечтательный Гай. Он аккуратно поставил коробку с опасными мешочками в заросшие травой камни, вздохнул с облегчением и быстро полез через глухую стену, которая отделяла старинный особняк от внешнего мира.

За книгами он решил зайти позже, когда коробку найдут, Крошку поймают и всё успокоится. В том, что досадное недоразумение скоро прояснится, он не сомневался ровно до того момента, как увидел людей в форме с собаками у своего подъезда. Вот тут он позвонил Тёмычу, но телефон начальника почтового отделения ответил чужим голосом. Гай облился холодным потом и набрал Кита. Там, стоя за гаражами, он понял, что жизнь резко изменилась, и с этим уже ничего нельзя поделать.

Глава третья. Чаепитие с Аристархом Васильевичем

Через несколько дней после того, как Гай прилетел в Москву, Кит перестал выходить на связь. Стал недоступен. И Гай остался в полном вакууме. Сначала он бесился от бездействия и неопределённости, и физически ощущал, как таяли деньги на карточке, оставленной Китом перед исчезновением. Когда денежный поток превратился в тоненькую струю, которая становилась все безнадёжней, стали посещать мысли о режиме жёсткой экономии.

Гай отказался от обедов в кафе, и стал ходить в случайно обнаруженную им трапезную при монастыре, что раскинулся совсем недалеко от дома. Монастырская еда была невкусной, слишком постной, но дешёвой и сытной. Наверное, поэтому здесь всегда толпилось много народа. Сначала Гай стеснялся, ему казалось, что он недостаточно духовно выглядит для этого места, но потом, присмотревшись, понял, что люди сюда приходят самые разные. Мало кто из них напоминал паломников. По крайней мере, с первого взгляда.

Тогда он стал ходить сюда регулярно. Две милые женщины по ту сторону витрины с едой, устало узнавали его, обозначая приветствие еле заметными полуулыбками.

Никто из присутствующих не пробовал заговорить с ним, все тесно и сосредоточенно жевали свою еду, чтобы насытиться и поскорее уйти, но сейчас это Гая вполне устраивало. Он так же, потупив взгляд в наскоро протёртую синенькую клеёнку, молча жевал рыхлое, вялое пюре с неизменным морковным маринадом, пахнущим рыбой, брал на вечер кусок сладкого пирога и плелся домой, сжимая в руке целлофановый пакетик со скудным ужином.

Так он, возвращаясь из монастыря, познакомился с Аристархом Васильевичем.

На крошащихся ступенях, ведущих к наглухо заколоченной подъездной двери, сидел старичок. Гай подумал сразу, что это какой-то бомж, уж больно ветхим персонаж сей ему первоначально показался, но сразу отмёл эту мысль. Просто потому, что старичок был на редкость уютный и домовитый. Он пил чай. На фоне обвалившейся штукатурки, в заброшенном дворе-колодце, где со всех сторон молча и укоряюще взирали мёртвыми темными проёмами окна с выбитыми стёклами, где из угловой арки доносился стойкий запах мочи и сырости, старичок пил чай.

Он наливал его из аккуратного блестящего термоса в белую большую кружку с красными горохами. Затем деловито подносил её ко рту, спрятанному между бородой и усами (усы и борода были белыми, пушистыми и даже чуть кудрявыми, что придавало старичку вид даже где-то залихватский), вкусно делал глоток, отдувался с удовольствием и нежно щурился в кусочек неба, видимый в высокой глубине проёма крыш.

Гай даже несколько раз моргнул, пытаясь убедиться, что эта картина странного чаепития действительно развернулась у него перед глазами, а вовсе не галлюцинация, вызванная вынужденным долгим одиночеством и дефицитом человеческого общения. Но старичок не исчез. Более того, он махнул рукой Гаю, гостеприимно предлагая присоединиться к нему.

При этом вид у старичка стал такой, как будто он приглашает в старательно ухоженную беседку где-нибудь посреди цветущего сада. В пышной усадьбе. Или, на худой конец, на дачном участке. Гай оглянулся, убеждаясь, что неожиданный чаёвник сигнализирует именно ему.

Он направился к старичку, думая, что величают его неожиданного встречного, не иначе как Пафнутий или Афанасий. Очень уж был похож пушистоголовый и белобородый мужичок на Пафнутия. Или на Дормидонта. Нет, пожалуй, Дормидонт – это слишком. Афанасий – вот это в самый раз.

– Здравствуйте, – чинно склонил голову Гай, рассматривая крошку бетона под ногами. Сквозь обломки крыльца тянулись вверх жухлые травинки. – Вы не боитесь, что крыльцо вот-вот обрушится совсем?

Старичок мелко-мелко задребезжал рассыпчатым смехом. Словно ронял упругие смешинки на землю, и они звонко отскакивали от рассыпающейся поверхности.

– Боюсь, а то как же! Боюсь я, – сквозь эти радостные россыпи смеха неожиданно молодым и даже каким-то бархатным басом ответил странный незнакомец. – А что делать, молодой человек? Что делать-то?

«Молодой человек» немного растерялся от вопроса, поставленного ребром, так растерялся, что даже присел рядом со старичком на ступеньку. Тот, недолго думая, откуда-то из-за спины достал ещё одну заливчатую яркую чашку уже, наоборот, красную в белый горох, налил в неё чай из термоса и протянул Гаю. Из чашки повеяло ароматом мяты и каких-то ещё пряных, но незнакомых травок.

Гай смутился ещё больше, неловко взял чашку одной рукой, потому что во второй у него так и болтался целлофан с вечерним творожным пирогом. Он, поставив горячую чашку около себя прямо на ступени, протянул старичку пакет:

– Вот... Угощайтесь. Творожный. С яблоками. Из монастыря.

Старичок неожиданно и внезапно расчувствовался. Он нежно взял пакет пухлой рукой, и Гай готов был поклясться, что в глазах у него в этот момент блеснули слезы.

– Из монастыря... Ох, ты ж...

Растроганно произнёс... Афанасий? Дормидонт?

– Я – Аристарх Васильевич, – почему-то с досадой сказал старичок. Будто прочитал его мысли. Или счёл невежливым съестъ ужин Гая, не представившись. Второе было наиболее вероятным.

– Гаевский, – ответил Гай, отламывая кусок от мягкого, рассыпчатого пирога.

– А звать тебя как? – продолжал допытываться дотошный Аристарх Васильевич.

– Друзья зовут Гай, – ответит тот уклончиво.

Старичок посмотрел на него внимательно:

– Ну, Гай, так Гай. Тоже имя неплохое. Величественное. Будто Гай Юлий Цезарь.

Парень молча кивнул, потому что именно Юлием его и сподобились родители назвать при рождении. Пока друг детства Кит не придумал называть Гаем, жизнь мальчика с именем Юлий была невыносимо тяжела.

Гай отхлебнул пряный травяной чай, который уже успел немного остыть (он не любил сильно горячее), и почему-то ему тут же захотелось говорить в странной, несвойственной ему манере.

– Вы в этом доме проживаете? – спросил он Аристарха Васильевича и кивнул в сторону серой, облупленной стены. Слово «проживаете» показалось ему напыщенным и вычурным, но если уж несёт, так несёт...

– Да уж, проживаю, – вздохнул и старичок. – Давно уже проживаю.

– Так ведь, насколько я понимаю, жильцов расселили? Вы не поехали в новую квартиру? Здесь, честно говоря, немного жутковато.

– Привык, – пожал плечами Аристарх Васильевич. – Не смогу жить в другом месте. В моем возрасте переезжать куда-то – это как цветок пересадить. Очень даже запросто можно корни повредить. У старого человека корни глубоко в место уходят. И тогда – всё.... Раз-два, и готово.

– Что готово? – не понял Гай.

– Сгину я на новом месте. А здесь, в родных стенах, глядишь, и поживу ещё немного. Знаешь, Гай, в моем возрасте каждый лишний день воспринимается как подарок от Бога. Вот каждый-каждый. Даже самый холодный, самый дождливый. И когда поясницу с утра ломить, и когда слабость такая, что с кровати утром встать не можешь. А вот лежишь, в окно смотришь, а там – листик к окну прилип. Дрожит, бедненький, и такой красивый – с прожилочками, словно крылышко птички неведомой.

Гай, конечно же, читал О, Генри. Он с подозрением посмотрел на старичка, пересказывающего знакомый рассказ, но тот продолжал совершенно бесхитростно:

– Ради этого листика и живёшь. Только чтобы ещё хоть минуточку на него посмотреть. Ну, ты ещё этого не поймёшь... Верно, ведь? Ладно, юноша, не буду тебя терзать стариковским ворчанием. У тебя, судя по всему, и без меня проблем достаточно.

Гай, соскучившийся по человеческому простому участию, почувствовал, что от слов старика к горлу подходит ком. Ему очень захотелось рассказать о том, что случилось с ним за эти невыносимо долгие дни. О том, как он вынужден был бежать из родного города, что единственный друг пропал, очевидно, увязнув в его, Гаях, очень плохих делах, о том, что ему страшно и неуютно жить в заброшенном доме, где по вечерам не рекомендовалось даже включать свет...

Впрочем, последнее, наверное, не стоило говорить старику, который цеплялся за этот столь неприятный Гаю дом, как за высшую ценность на свете. Тогда он вообще ничего не стал рассказывать, а просто кивнул.

– А ты пробовал попросить? – вдруг как-то вкрадчиво спросил старик. – Сам-то я далеко от дома не хожу, но слышал, если очень надо, то можно и попросить...

– У кого? И что?

– Не у кого и что, а где, – с досадой возразил Гаю Аристарх Васильевич. – А там, где средокрестие. Четыре Дороги, три мира, два холма.

– Не понял, – оторопел Гай.

– Ох ты ж, Боже мой! – воскликнул старичок. – Точку найди в том месте, где треугольник вписан в круг, там, где двои́тся о́стрие, и проси. Все разделится по разным мирам и станет понятным.

– Что разделится? Что станет понятным?

– Ты меня совсем не слушаешь? – голос Аристарха Васильевича сорвался в старческое брюзжание, – тебе – твоё, бесы своё заберут. Если дело справедливо, они взвесят и определят. Только не дай себя заморочить. А то они, шельмецы, такие – наобещают на рубль, а дадут, дай Бог, медную полушку... Сам-то я с ними не связывался, конечно, но вот говорят... И-и-их, – одновременно жалобно и укоризненно протянул его собеседник, и принялся закручивать крышку на термосе.

Когда он справился с этим делом, то опять поднял глаза на Гая, словно оценивал его ещё раз, теперь не взирая на личные симпатии, и вдруг твёрдо произнёс:

– А, впрочем, не ходи туда. Не надо тебе. Сейчас прямо ясно вижу: вот тебе – точно не надо.

Под этим взглядом Гаю стало обидно, что Аристарх Васильевич не понимает всей глубины его трагедии, и тогда, непонятно зачем, он выпалил:

– Почему это не надо? Я может, как никто другой, нуждаюсь в справедливости. В суде этом, где моё – мне, а бесам – бесово. Потому что я вообще-то скрываюсь тут.

И уже совсем забубнил невнятно и смущённо:

– Подставили... Найдут – убьют. Как говорится, концы в воду, и вся недолга...

Зачем он сказал это всё старику, который, может, и подослан специально, Гай и сам не знал. Наверное, несмотря на все страхи, не хотелось превращаться в окончательного шизофреника. Ему и так за каждым углом мерещились слежки и угрозы. И держать все свои страхи в себе становилось невыносимо. Боль проступала уже на физический уровень.

– Эх, беда какая, – неожиданно ласково сказал Аристарх Васильевич. – Что ж, если терять нечего... Я сам, конечно, никогда, а вот ты попробуй. Попроси. А потом, если совсем немоготу станет, ко мне приходи. Я здесь всегда.

– Где? – Гай поднял на старичка глаза.

– Где нужно будет, я – там.

Аристарх Васильевич взял под мышку термос, поднялся, и отряхнул крошки монастырского пирога с колен. Медленно побрёл прочь со двора, только уже у самой арки, почти скрытый тенью под её низким сводом, бросил на прощанье:

– Ну, и про двух ангелов на плечах не забывай. Они тебе в два уха говорить будут, разное говорить, а ты одного слушай, а над другим посмеивайся.

– Над каким посмеиваться? – удивился парень. – И вообще, над кем?

– Тут уж я тебе не указчик, – прямо вот не сказал, а именно промолвил старик. – Подсказать могу, а как там дальше дело обернётся, это выбор уже твой. От тебя зависит.

И скрылся Аристарх Васильевич с глаз Гая. Только вдруг понял парень, что все это время голос старика казался ему очень знакомым. «Да, – подумал Гай внезапно, – это он. Тот, что разговаривал с крысами».

Ночью опять хлынул ливень. Гай, услышав шум падающей воды, вскочил сразу, и не секунды не задерживаясь, метнулся к окну. И почему он был так уверен, что непременно увидит то, что предстало перед его ещё наполненными сонным смогом глазами буквально через секунду?

Сначала он услышал тонкий горестный всхлип, который доносился всё из того же, расписанного пёстрыми граффити угла, затем увидел белую, полупрозрачную фигуру, но уже не стал ничего кричать, понимая, что испугает ночную незнакомку, а сразу влез в джинсы, и босиком, на ходу застёгивая молнию, помчался вниз.

У выхода на улицу он притормозил, сделал два глубоких вдоха-выдоха, придерживая рукой почему-то неистово колотящееся о грудную клетку сердце, и уже осторожно и бережно вышел из подъезда.

Белое видение, стараясь приглушить своё серебряное сияние, вжималось в темноту. Гай протянул ладонь. Осторожно, будто боялся вспугнуть бабочку.

– Привет, – тихо сказал он. Звук его голоса вплёлся в разлитый по двору шум дождя, прошелестел и разбился в капли на раскрошенном бетоне возле подъезда. Видение не то, чтобы вздрогнуло, а судорожно дёрнулось всем зыбким силуэтом, словно находилось в замешательстве – рвануться от Гая или, наоборот, к нему навстречу. Тем не менее наш герой понял, что призрак его услышал.

– Я – Гай, – все ещё осторожно, пользуясь тем, что видение не исчезло тут же, произнёс Гай. – А вы... Вы кто?

На него смотрели два огромных перепуганных глаза. Это была девушка – невысокая и худенькая, миниатюрная. Мокрые пряди волос прилипли к щекам, ночная сорочка – к почти неосязаемому телу. Что-то прошелестело в отголосках падающей воды. Гай не расслышал, протянул медленно руку и почти коснулся хрупкой ключицы под ситцевой ночной рубашкой. Видение подняло руку в робком защитном жесте и вдруг ясно сказала:

– Не надо. Вы меня пугаете...

Гай нервно рассмеялся:

– Это кто кого ещё пугает... В темноте, под дождём в ночнушке... Что вы здесь делаете? И кто вы?

Повторил он.

– Вы же не злой человек? – голос дрожал, прерывался. – Надеюсь, что не злой. Подождите...

Она с удивлением прислушалась к чему-то внутри себя. А затем произнесла с заминкой, очень неуверенно...

– Кажется... Нет, совершенно точно. Я – Лида. Меня зовут Лида.

– Лида... Очень хорошо! – отчего-то вдруг счастливым голосом выкрикнул Гай. Он почувствовал невероятную радость, неожиданное воодушевление. Словно, назвав своё имя,

девушка открыла запертую дверь, за которой ему виделась свобода и роскошь простого, ничего не значащего общения. Кто-то доверился ему, и Гай сразу почувствовал себя сильнее и увереннее. Для самоуважения человеку необходимо знать, что рядом есть кто-то слабый и нуждающийся в защите.

Оказывается, он стоял к Лиде так близко, что, несмотря на дождь, чувствовал тихий, но настойчивый аромат, исходивший от неё. Странная смесь книжной пыли, сладковато-терпкой древесины, чуть-чуть – экзотических специй, и совсем немного – нежной ванили. Яркой нотой перекрывал эти едва уловимые ароматы запах ещё чего-то цветочного, но не резкого, а мягкого, приглушенного, болотно-затягивающего. Запах незнакомый, совершенно нездешний, будоражащий. Гай не сдержался, вдохнул глубоко, получилось неловко, потому что со свистом.

– Извините, – смутился он, всё ещё боясь напугать неземное видение. – Ваши духи...

– Наверное, это из-за сивета, – ответила Лида. – Его эффект – оттенок животного тепла и чувственности, но он куда более нежен, чем запах мускуса...

Она вдруг неожиданно тонко чихнула, смешно, как котёнок. Прикрыла ладонью рот, с виноватым видом подняла глаза на Гая.

– Давайте, зайдём в дом, – спохватился вымокший уже до нитки рыцарь. Он только сейчас понял, что они всё ещё стоят под дождём. С этой хрупкой, нездешней девушкой он чувствовал себя большим и могучим. Властителем жизни.

– Не думаю, что это возможно при нынешних обстоятельствах, – Лиду снова начала колотить мелкая дрожь.

– Я только предложу вам горячего чая и сухую одежду, – Гай, поддавшись её странному тону, заговорил непривычными фразами. словно герой-любовник на сцене любительского театра прошлого века. Или, скорее, даже позапрошлого. Что-то было в этом диалоге от Чехова. Незримое очарование, и, что само удивительное, совсем не ощущалось фальши.

– Лучше я пойду... наверное...

Девушка сбилась, как-то сразу ещё больше растерялась, и Гаю показалось, что на её и так мокрым от дождя лице показались ещё и слёзы.

– Куда вы пойдёте? – галантно спросил он, решив, что не будет давить на нежное создание. – Вы живёте где-то поблизости? Я провожу вас...

Она смотрела на Гая долго, напряжённо и мучительно морща лоб. Наконец выдохнула:

– Я... Не знаю...

Лида всхлипнула, глаза наполнились ирреальным ужасом:

– Я действительно не знаю, кто я и где живу... Почему здесь и в таком виде...

Она вдруг схватила Гая за обе руки сразу, он почувствовал, что пальцы у неё —обжигающе холодные льдинки.

– Кто вы? – она опять перешла на горячий шёпот. – Почему я здесь? Почему вы здесь?

– Подождите! – Гаю пришла великолепная, как ему показалось в тот момент, мысль, – если вы подождёте минутку, я вынесу зонт и плащ. И горячий чай. Прямо сюда, раз вы не можете зайти ко мне...

Лида продолжала дрожать. По её молчанию Гай понял, что она согласна. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

– Я быстро, вот прямо сейчас, – он метнулся к подъезду, боясь, что девушка передумает. Он укроет Лиду, главное – согреет, а чуть позже, может, уговорит зайти к нему. Уже добежав до подъезда, он понял: что-то внезапно изменилось.

Резко, как и начался, прекратился дождь.

Гай оглянулся. Угол арки с заваленным ничейным гаражом был пуст. Ранний рассвет, просочившись в эту мокрую обитель, ясно выявил всё, что скрывал этот тёмный закоулок. Черепки от старого цветочного горшка. Жухлое деревце, пытающееся выжить изо всех сил.

А Лида исчезла.

Словно прекратилась вместе с дождём.

Глава четвёртая. Ваганька

Утром Гай обнаружил, что простыл. Болело горло и появился неприятный сухой кашель. Несмотря на это, он вышел из дома, насвистывая какой-то бравурный марш. Двор был сырой и мокрый после дождливой ночи. Гай поёжился и посмотрел туда, где ночью всхлипывало перепуганное видение. При привычном сером свете дня происшествие казалось сном. Гай в самом деле засомневался, случилась ли на самом деле ночная встреча.

Он вышел к старым стенам, идти стало легче, будто какую-то часть его тревог растворяло напряжение, витавшее в воздухе. Влажность отсвечивала от золотых куполов, радовало обманным солнцем.

Кто-то тронул Гая за рукав, он оглянулся. Увидел мужчину средних лет, такого профессорского, надёжного вида, что сразу неизвестно почему застеснялся.

– А вы куда хотите попасть? – спросил Гая интеллигентный и основательный.

Гай растерялся от неожиданности вопроса, открыл рот, беззвучно хлопая губами, а мужчина не без некоторой досады, но всё так же важно, произнёс:

– Там Кремль, – махнул рукой в сторону краснокирпичного забора.

– Там – все остальное, – повёл рукой в другую сторону.

И пошёл прочь.

«Словно предлагал мне сделать выбор, – тоскливо подумал Гай, – а я так ничего ему и не ответил. Как он: «Куда вы хотите попасть»? А вдруг не зря он меня спросил? Эх, надо было...». И он стал про себя перечислять, куда бы хотел попасть. И понял, что этот вопрос, на самом деле, достаточно коварен. Не «Чего вы хотите?», а «Куда?». А вот на него ответить совершенно непросто.

Если по большому счету, то правильно бы ответить «в историю», например. «Во всемирную историю» – так ещё лучше. На самом деле Гай никуда не хотел попадать, он, совсем наоборот, хотел выйти из этого замкнутого круга, куда кто-то (непонятно кто и за что) его загнал. Он совершенно растерялся от этого простого вопроса «Куда?».

– Самое страшное, если вечные вопросы «за что» и «почему» на самом деле не имеют совершенно никаких ответов, – подумал Гай. – Вот не почему, и всё тут. Потому что. Тогда во всём, что происходит с нами, нет абсолютно никакой логики. А это страшно. Когда «потому что» – это всё. Из этого уже никак не выберешься.

Так шёл Гай и все думал. Мимо «Националя», мимо бывшего «Питергофа», ныне – государственной Думы, мимо дома Жолтовского, мимо долго тянувшегося за забором университета, около которого и встретился ему дружелюбный господин профессорского вида.

– Никчёмный я, никому не нужный и нелепый, – так сам с собой разговаривал он. – И сам не знаю, что мне нужно, куда я хочу. Квашня я, размазня и тряпка. На том и погорел...

Около станции метро Гай вдруг понял, что за ним кто-то идёт. Уже, видимо, довольно давно и вовсе не случайно. Просто вдруг почувствовал странное напряжение между собой и этим кем-то, точно в пространстве образовалась плотная опухоль, комком сбилась только что разреженная материя в определённом месте. Гай обернулся. Ему не показалось. Он наткнулся на пронзительный взгляд очень тёмных глаз.

Чернявая и неопрятная девочка лет девяти-десяти. Лицо пересекает, словно деля пополам, уродливый шрам. По одну сторону от шрама оно застыло зловеще неподвижной маской, по другую – нервно дёргалось, то ли нервным тиком, то ли шутовской гримасой. Девочка не успела отвести глаза, и Гаю сразу стало понятно, что шла она именно за ним, не упуская из вида, целенаправленно. Увидев, что Гай заметил её, несколько не сконфузилась, а растянула в улыбке подвижную половину лица, тут же подскочила совсем близко и хрипловатым голосом бойко затараторила:

– Просить идёшь? Знаю. Знаю, что просить идёшь, не отпирайся. Не туда идёшь только, не туда. Не здесь нужно. К Крымскому мосту иди. Там энергетика сегодня невероятная. Вчера мужик с него в реку сбросился, вот потеха была! Голый совсем, всё с себя снял. На опоры залез и как сиганёт вниз! До сих пор круги на воде остались. Не знаешь, что ли? Да вся Москва на те круги уже ходила смотреть. А ты не знаешь, ну даёт! След от утопленника зачерпни, умойся, так тебе удача его достанется. Пойдём со мной, я тебе покажу, где он... того!

Она схватила Гая за руку, он брезгливо вырвался. Не то, что бы испугался, а просто невыносимо противно идти рядом с сумасшедшей нищенкой, от которой, кстати, ещё и плохо пахло странной смесью тухлой рыбы и медицинской карболки. Он быстро, почти бегом пустился по асфальту, лишь бы подальше от неё. Девочка не отставала, бежала рядом, назойливо старалась всё время заглянуть ему в лицо, схватить за край футболки, и приговаривала:

– Я покажу тебе, покажу, а, кроме меня, никто тебе не покажет...

Гай прибавил ходу по неожиданно пустынному тротуару. Она, кажется, отстала. Рванулся и, уже совсем задыхаясь, на красный свет пересёк Дорогу. Плюхнулся на скамейку возле небольшого музейного сквера. Поднял глаза на часовню, что оказалась перед ним. В этот момент почему-то сзади, за спинкой лавочки и за затылком Гая опять раздался хриловатый неприятный голосок страшной девочки:

– Ну, пойдём же... Тебе ни с кем не будет так весело, как со мной. Я тебе и спеть могу, хочешь? Любое желание исполню. И станцевать могу, и сказки знаю. А ты за это только сходи со мной, посмотри на круги по воде от утопленника...

Гай вскочил, вытянул руки, словно отгораживаясь от кошмара, и закричал:

– Да уйди ты уже! Денег у меня нет, будешь приставать, я полицию вызову.

Он опустил руку в карман, обозначив намерение достать мобильный телефон. Девочка прищурила глаза и засмеялась:

– Какая полиция? Ты сам в бегах. И денег у тебя нет, точно. Да я ж денег и не прошу. Сама тебе всё, что хочешь, дать готова. Развеселить тебя хочу. А ты за это только сходи со мной к Крымскому мосту...

Безнадёжной тоской сжалось сердце. Безбрежной, бесконечной печалью.

– Уйди, – уже тихо и просительно сказал он, – уйди, пожалуйста.

Девочка заскакала вокруг него на одной ноге, радостно напевая речитативом:

– Да я поиграть, просто поиграть с тобой хочу. Скучно мне, скучно. Когда ещё меня отпустит...

Она наворачивала круги вокруг Гая, темп убыстрялся и убыстрялся.

– Кто ты? – уже покорно спросил он.

Девочка внезапно остановилась и залилась своим каркающим, хриловатым смехом. Одна половина лица у неё так и оставалась безучастной, вторую корчили гримасы.

– А то не знаешь?

Она настырно, так же, как и до этого, заглянула ему в лицо: особенно, снизу, подлезая под его взгляд, и удивилась:

– И точно. Не знаешь. Я же вижу, что просить пришёл, а не знаешь... Да как же так?

Она всплеснула грязными руками, Гай ненароком заметил, что ногти у неё квадратно обкусаны до самых пальцев, и, кажется, расстроилась.

– Ваганьки мы, те самые, которых с Кулишек прогнали. Неужто не помнишь? Шуму-то, шуму было, весь город об этом говорил...

Гай отрицательно помотал головой. Она опять поднырнула под его лицо, жалобно и одновременно как-то с нетерпеливым сладострастием ловила взгляд:

– Да как же так, не знаешь... К нам на забаву кто только не приезжает! Забыли, неужели забыли? Да, нет, быть не может. Это скучный ты человек, вот и маешься. Всего-то и хочу,

развеселить тебя. На круги посмотреть, это же так весело! Ну, если не на Крымском, то здесь хотя бы, глянь.

Лицо её то ли от нервного тика, то ли само по себе опустилось вниз зыбкими морщинами, и Гай понял, что девочка эта совсем не девочка, а скорее даже маленькая старуха. Перед его глазами пошли кругами волны, голова закружилась, словно он попал в водоворот. Потянуло в прохладную, тёмную и такую спасительно равнодушную воронку. В тот же момент он почувствовал физическую боль. Кто-то схватил его за плечо, грубо развернул, и закричал:

– Эй, мужик, ты что? Тебе плохо?

Гай от неожиданного рывка упал на землю, больно ударившись копчиком. Он с удивлением обнаружил, что сидит, как полный идиот, прямо на каменном мосту и с открытым ртом оглядывается вокруг. Два молодых парня, очевидно, оттащивших его от резного бортика, смотрели, как на придурочного.

– Ты пьян что ли? Проспись. Чуть в реку не свалился, козёл...

Парни уже почти скрылись из вида, а Гай все ещё сидел на мосту и вертел головой. Девочки-уродки в поле зрения не было, а как он попал на этот мост, Гай совсем не помнил. Только будто кто-то тихо шепнул ему в левое ухо: «Заморочили, загуляли», и опять мир встал на свои места. Нужно уходить, пока полиция не заинтересовалась странным человеком. Что Гай странный, он понимал и сам, поэтому быстренько сгрёбся, и, стараясь не смотреть вниз, быстрым шагом направился в обратный путь.

– Мало ли сумасшедших ходит по улицам столицы? – сам себе, успокаиваясь, сказал Гай. Решил вспомнить о чём-то приятном, и это почему-то оказалась его ночная встреча с вымокшей под дождём девушкой.

– Лида... – мечтательно подумал он и улыбнулся. Почему-то очень захотелось увидеть её хотя бы ещё раз.

Ночью Гаю стало плохо. Сны приходили давящие, душные, они обрывались, не заканчиваясь, один кошмар тут же сменял другой. В них не прослеживалось ни конкретики, ни сюжета, только одно душное предчувствие.

Гай порывался проснуться несколько раз, а когда удалось, он обнаружил, что весь мокрый, и постель вся, перекрученная узлами, тоже мокрая. А ещё казалось, что очень жарко, комната плыла перед глазами, и всё тело ломило так, словно его накануне всё-таки сбросили с моста. Он попытался подняться, но не смог, и поразился этой нечеловеческой слабости.

Пить.

Очень хотелось пить.

Ещё Гай чувствовал, как горло опухло изнутри, будто его там раздирал когтями заблудившийся хищный зверёк среднего размера. Нужно как-нибудь подняться и пройти на кухню. Целую вечность он поднимал голову от подушки. Затем ещё сто лет пытался сесть. А когда Гай уже морально приготовился спустить с кровати правую ногу, в тишине раздался громкий стук, а затем пронзительный визг.

Кричало небольшое существо в смертельной тоске и невыносимой боли.

После первой же ночи пребывания в этой квартире, пережив нашествия грызунов, Гай нашёл огромную самодельную мышеловку в залежах одного из хозяйственных шкафчиков. Вида она казалась ужасного: напоминала миниатюрную гильотину, но он поставил её в углу кухни с изрядным куском сыра в качестве приманки, и после этого перестал передёргиваться с отвращением, вспоминая стук маленьких лапок в лестничных пролётах. Мышеловка стояла, не подавая никаких признаков жизни, так долго, что он успел забыть о ней. И вот именно в эту ночь, так некстати, свершилось.

Пронзительное верещание на одной ноте разносилось по всей квартире.

– Наверное, защемило хвост, – подумал Гай и проникся жалостью к зверьку, вспомнив тронутый ржавчиной тугой механизм капкана. Но если ещё минуту назад выход на кухню казался сродни подвигу, то теперь он стал просто невозможен. Гай не только физически, но и морально не мог заставить себя сделать несколько шагов в направлении непрекращающегося писка. Он сидел на скомканной постели, зажав руками уши, покачиваясь от слабости. Его внутренне «я» раздиралось сразу в несколько направлений. Жалость, слабость, ненависть, отвращение и брезгливость.

Сколько времени Гай просидел в этом состоянии, сказать было сложно. Внезапно ему показалось сквозь уже выдыхающийся писк, что из коридора доносится звук поворачивающегося в замке ключа. Гай подумал, что он бредит. Но звук повторился, а затем скрипнула дверь, и из коридора потянуло сквозняком.

Послышались шаркающие шаги, сначала они проследовали на кухню, раздался невнятный, причитающий шёпот, что-то локально и недолго гроыхнуло, и невыносимый визг прекратился. В резко упавшей тишине шаркающие шаги стали медленно приближаться к комнате. Гай, борясь с нечеловеческой слабостью, вцепился руками в тугий матрац и не отрывал взгляда от двери, со стороны которой приближалась непонятная опасность.

Дверь открылась медленно и тихо. На пороге в слабом сиянии падающего из окна света обрисовался невысокий тёмный облик.

– Что ж вы, юноша, так немилосердно неосторожны? – знакомым голосом проговорил возникший на пороге, и Гай с облегчением откинулся на подушку. Просто упал, сразу и окончательно обессилив. Он узнал Аристарха Васильевича. Старичок гневно прошаркал к самой постели, где тяжело дышал Гай, обливаясь лихорадочным потом. Видимо ночной гость собирался сказать что-то не очень лицеприятное, но, только глянув на Гая, моментально понял ситуацию:

– Эко тебя, – услышал Гай сочувствующий голос, и тут провалился в спасительное бессознание. Уже совсем без сновидений.

Когда он вновь открыл глаза, в окно било яркое солнце.

Постель ощущалась чистой и сухой, на самом Гае каким-то образом образовалась мягкая фланелевая пижама, а в рядом, в кресле, сидел Аристарх Васильевич. Он с удовольствием читал толстую книжку сквозь съехавшие к кончику носа старенькие очки. Дужку очков у самого уха укрепляла синяя старинная изолента. Услышав тихий скрип кровати, старичок посмотрел вверх сползших очков на больного:

– Очнулся, юноша? Сильно тебя скрутило...

Гай хотел ответить, но не смог. В горле поселилась пустыня. Там мело колючим песком, от этой сухости растрескались губы. Он вяло пошевелил рукой, Аристарх Васильевич встрепенулся:

– Лежи, лежи... Я сейчас.

Он налил из уже знакомого Гаю термоса ароматного чая. Запах трав, тут же окутивший комнату, казался очень приятным. Он чувствовался даже сквозь воспалённый заложенный пластылин, который словно облепил всего Гая изнутри.

– Не бойся, он не горячий. Тёплый, пей.

Аристарх Васильевич поднёс кружку к губам Гая. Мягкий аромат приятно огладил сухие губы и обволок саднящее горло. Стало намного легче.

– Вы как тут... – наконец-то пусть хрипло и с трудом, но смог произнести Гай. Он принял от старика кружку и мелкими глотками проталкивал в себя спасительное тепло.

– Я-то? Я Криса пришёл выручать. Из большой беды. А тут гляжу – ты уже и без сознания лежишь. Ох, и бредил ты юноша! Лиду звал, на Кита ругался. А ещё какую-то цыганку гнал от себя. Что с тобой случилось?

– Ангина, наверное, – Гай показал рукой на горло. – Кажется, точно – ангина. И много чего ещё... На нервной почве.

Ему хотелось жаловаться Аристарху Васильевичу. Болезненная муть просто толкала Гая к этому.

– Странную девочку встретил. Когда вы мне посоветовали на холм сходить.

Гай передёрнулся, вспомнив, как безобразная незнакомка уговаривала его прыгнуть в реку. Старик внимательно посмотрел на него:

– Разве я тебе советовал? Наоборот, отговаривал...

Гай съёжился от этого пронзительного взгляда. Ему захотелось снова лечь, желательно, под одеяло с головой, но мешала уже опустевшая кружка, которую он всё ещё сжимал в руке.

– А вы не знаете, случайно, кто такие ваганьки? – спросил он.

– Ваганьки? – Аристарх Васильевич подошёл к Гаю, забрал у него кружку и протянул стакан, на дне которого плескалась какая-то прозрачная жидкость:

– Залпом пей, – а когда Гай залпом выпил неожиданно горькую и едкую микстуру, неожиданно причмокнул:

– Это когда было-то! Очень. Очень давно. Против Кремля находилось поселение царских шутов. Звали их, когда веселья душа жаждала, и они вовсю ваганили, то есть потешали государя и бояр всякими непотребностями. Потом село Ваганьково перенесли за Никитские ворота и далее в район пресненских Трёх гор. Но, говорят, энергия ваганов до сих пор в районе Боровицкого холма клубится.

Аристарх Васильевич задумался на секунду, затем твёрдо сказал:

– Ты знаешь что... Вот сейчас, пока вода поднимается, знакомств не заводи. Мало ли, кого к твоему берегу прибьёт, а у тебя – своих проблем выше крыши...

Старичок задрал голову к потолку и закатил глаза, словно подчёркивая гору проблем, которые навалились на бедного больного. Гай хрипло хмыкнул, Аристарх обернулся:

– Ты чего это? Надсмехаешься надо мной?

– Просто мне кажется... Извините, но вы тоже кажетесь... Вот вы, Аристарх Васильевич, не совсем обычным мне кажетесь. Только не подумайте, что я не благодарен за вашу помощь, но ... Вот, например, каким образом вы попали в эту квартиру?

– Так я же тебе объяснил всё. Разве нет? – казалось, старичок и в самом деле озадачился непониманием Гая.

– Нет, – твёрдо ответил тот. – Вы сказали только, что пришли выручать какого-то Криса.

– Ну так вот же, так оно и было. Я же сказал...

– Хорошо. Кто такой Крис, почему вы выручаете его на этой кухне и всё-таки главное: как вы вообще попали в квартиру?

– Так у меня ключи от всего дома, – растерянно произнёс старичок. – Всегда у меня ключи от всего дома имелись. А как иначе? Вдруг пожар случится, а ребёнок какой в квартире заперт? Или Скорую вызовет кто, а сам сознание потеряет? А у меня вся связочка, вот она!

Аристарх Васильевич неопределённо провёл рукой по поясу просторных брюк. Старенькая, но аккуратная рубашка спускалась ниже бёдер, поэтому, что там у Аристарха Васильевича есть на поясе, Гай не увидел. Поверил на слово.

– Ладно, – сказал он. – Тогда... Крис...

– Ох, – голос Аристарха Васильевича стал задумчивым и ласковым. Он и так говорил всегда, будто старинную мелодичную песню напевал, а тут любовь и жалость к незнакомому таинственному Крису запели в нём ещё сильнее, чем обычно. – Старый, что малый, он же совсем, как ребёнок, доверчивый и любопытный, а ты его... Чуть на тот свет не отправил нашего милого Криса. У них и так неприятности, вода поднимается, с насиженных мест гонит. Не от хорошей жизни бегут, ещё и нас упреждают. Эх...

Аристарх Васильевич укоризненно покачал головой, и Гаю, хотя непонятно за что, тут же стало стыдно.

– Проблемы у нас, – продолжил Аристарх, – и так проблемы. Рачка чтоб её, бестолочь шалопутную, руны выломала. Истра ещё держится, а Даро совсем плох. Наверное, и не встанет уже. А ещё и ты Криса... Эх!

– Впрочем, ладно, голубчик, – всё-таки сжалился старик. – Ты отдыхай. Поспи ещё, после моей микстуры полезно поспать. А я попозже забегу, бульончика тебе доставлю.

Он поправил одеяло на Гае и неспешно отправился к выходу. Показалось или старичок прихрамывал? У самого порога оглянулся и повторил:

– Поспи, поспи... Мы тебя быстро на ноги поставим...

Глава пятая. Кит начинает действовать

Никита Званцев, больше известный в Нижнестранновске как Кит, свернул с парадной улицы в небольшую арку. Этот краткий проход между срастающимися серыми стенами домами он знал ещё со своих школьных лет. Сразу повеяло детством – спёртым запахом мусорных баков, сыростью вечно тeneвых стен. Здесь всё началось много лет назад. Когда они были ещё совсем мальчишками. Тогда, десять лет назад...

Нижнестранновск. Около десять лет назад

– Пацан, поди сюда, – рыжий Эрик произнёс это негромко, не поворачивая головы, но Никита вздрогнул и остановился. Сначала на краткий миг ему показалось, что Эрик окликнул его, Званцев даже поразился этой наглости, но через секунду он узрел сгорбленную фигурку Гаевского, застывшую перед рыжим. В расслабленной позе Эрика пока не читалось никакой угрозы, и голос звучал, кажется, даже дружелюбно, но все же Никита понял, что ничего хорошего Гая в ближайшем будущем не ожидает.

– Чего тебе? – Гаевский постарался придать вопросу полную независимость, но в конце фразы, там, где предполагался вальяжный вопрос, тембр прогнулся, в голосе скользнула предательская визгливая нота. Это было плохо. Очень плохо для Гаевского.

Кажется, вся банда в сборе. На бетонном приступке за тыльной стороной аптеки, они, пять материализованных кошмаров всех приличных мальчиков в округе, расположились лениво, хмуро и абсолютно бесцельно. В этой жизни приспешников Эрика, действительно, не предполагалось никаких порывов и стремлений. До тех пор, пока в поле их зрения не возник Гай. У них сразу же появилась цель в жизни.

И чёрт дёрнул Званцева пойти дворами. Видимо, та часть Никиты, которая вечно стремилась к неприятностям, потащила на репетицию этими вонючими тылами, мимо стыдливо укрытых от парадной стороны улицы мусорных баков. Там, где скрываются от света вопиющие несовершенства мира и банда рыжего Эрика.

До сих пор они существовали параллельно – банда и Никита Званцев. Видимо, настал момент попасть в орбиту их интересов. Это было неминуемо, как восход и закат солнца. Они выбирали каждый раз новую жертву, и Никита знал, что когда-нибудь очередь дойдёт и до Гая. Это знали все, просто потому что Гаевский представлял из себя идеальную жертву. Классическую. И их растущее внимание к тихому, домашнему мальчику сгущалось душным кольцом уже несколько дней.

– Оставь его, Эрик, – сказал Кит негромко, уже проклиная себя за то, что влез. Его ждал Рай, он договорился в одном из клубов, что они смогут там играть днём, когда посетителей ещё нет, и Званцев уже очень опаздывал. – Отвянь от Гаевского.

Он подошёл поближе. Под носом у Гаевского надувались красные пузыри, он дышал тяжело, со всхлипами. Кровь. У этого хлюпика уже пошла носом кровь, хотя его никто ещё пальцем не тронул.

– Вытри лицо, болезный, – Кит, поморщившись, протянул ему носовой платок. Мама каждое утро зачем-то совала ему в нагрудный карман чистый носовой платок. Ситцевый, хотя все уже давно пользовались при необходимости бумажными салфетками. Гаевский размазал коричневую кровь по лицу, протянул уже замурзанную тряпку обратно. Кит хотел было откататься, но вспомнил, что мама может сильно расстроиться из-за потери этого допотопного платка. Он скомкал его и засунул обратно в карман.

Рыжий Эрик сплюнул жёлтой тягучей слюной на бетон, резко соскочил с расцветенного граффити приступка. Он, гипнотизируя неподвижного Гая даже затылком, подошёл к Никите – не торопясь, почему-то странно вихляясь на ходу. Гай щемился где-то за спиной, но не убегал. Никите показалось, что тот даже поскуливает, как щенок.

– Ты бы, Кит, не лез в чужие дела...

Эрик, наверное, уже с утра основательно нагрузился дешёвым пивом. От него и разило, как из пивной бочки – отстойным солодом, а ещё очень противно нездоровыми зубами. Классически разило, как и принято от нехорошего парня.

– Тебе от него что нужно? – спокойно спросил Кит, старательно сдерживая нарастающую ярость. Вдруг затянуло ввинчивающейся болью в районе нагрудного кармана. Он чуть не упал, пытаясь справиться с внезапным приступом слабости. Пробил пот, густо облепив испариной лоб и виски.

– А ты как думаешь? Может, у тебя лишнее бабло есть, чтобы поделиться?

Это была последняя фраза, которую Кит помнил.

...

– Урод мундявый, – крикнул Подсосёнок, убегая и оглядываясь на ходу. Кит чувствовал шлейф тщательно скрываемого ужаса, остающийся там, где петляли его следы. Тощая задница смешно подпрыгивала на бегу, и он почему-то вспомнил слухи, что банда его имеет по очереди.

– Только рыпнетесь ещё хоть раз, – торжествуя послал ему вдогонку Кит и наклонился, поднимая с заплёванного окурками асфальта телефон. Он не помнил тот момент, когда мобильник выпал из кармана его куртки. Честно говоря, вообще не понимал, куда и почему эти придурки сейчас убегали. Их пятеро, он – один. Гаевского уже тоже след простыл. Что не вызвало никакого удивления, потому что это был закон природы – от проблем Гай всегда убегал и прятался. И вокруг никаких, даже случайных, прохожих. Чего бы им делать на вонючих задворках мироздания? Совершенно никого, кто бы мог их заставить в таком ужасе броситься врассыпную.

Потрогал внезапно занывшую губу. На руке осталась кровь. Губа, судя по всему, лопнула от удара. Только.... От какого? Память оставалась девственно чистой. Всё, что происходило от момента, когда рыжий Эрик, расслабленно вихляясь, подошёл к этому тухле Гаю и сказал: «Деньги гони!», до мгновения, когда Никита стоит и вытирает грязной рукой кровь, сочащуюся из разбитой губы, в его памяти совершенно не проявлялось.

Кит нажал на вызов Рая. Тот включился, и фоновые звуки столь приятной слуху репетиционной неслаженной какофонии, резанули сердце тоской. Бухали басы. Они уже все собрались и играли, Никите до слез захотелось быть в то же мгновение там, с ними.

– У меня форс-мажор, – просвистел он в телефон, действительно чуть не плача. Говорить было больно, губа распухла. – Я не могу сейчас. Не ждите.

– Парень, ты в порядке? – встревожено спросил Рай. – Что-то нужно?

– В порядке, – произнёс Кит с трудом и дал отбой. На него навалилась вселенская усталость. И ещё почему-то слезливость. Всё, о чём он только успевал подумать или увидеть, тут же подходило комком к горлу и вызывало желание заплакать. Последней каплей стала глубоко беременная встрёпанная кошка, рыжая, как Эрик. Она протащила свой невероятно разбухший живот за один из мусорных баков, и Кит, зацепив глазами её ободранный жалкий хвост, вдруг всхлипнул в голос. Зажав рот рукой, кинулся назад, домой. Пока кто-нибудь не увидел этого позора.

– Почему ты позволил себя побить? – с раздражением сказала мама. Это всё, что она сказала, увидев его перекошенное лицо. Скрываться не имело никакого смысла, она не будет беспокоиться о Ките.

Он – поздний ребёнок, очень поздний, родители произвели его на свет уже глубоко за сорок, обычно над такими детьми трясутся, но у мамы Никита вызывал только раздражение. Сколько он себя помнит, любое падение, рана, неудача злили её. Отбрасывали Кита всё дальше из светлого круга одобрения, в который он с раннего детства всё время хотел попасть. В отличие от всех его друзей, стремящихся выбиться из-под опеки родителей, он наоборот хотел, чтобы его пусть чрезмерно, но опекали.

Никита Званцев не был плохим парнем. И старался быть ещё лучше. Бог ты мой, он всё время старался понравиться своим собственным родителям. И не понимал, почему они все время холодны. Иногда ему казалось, что будь он щенком или котёнком, у него появилось бы больше шансов на их тепло. Хотя всё, что нужно мальчишке в том или ином возрасте, у него имелось. Роботы-трансформеры, радиоуправляемые машинки, велосипед. Затем, по мере того как Никита вырослел, появился хороший ноутбук, Дорогой телефон, планшет последней модели.

Мама готовила завтраки, обеды и ужины. Она знала, что Никита не любит яичницу, и по утрам стояла у плиты, переворачивая на сковороде шипящие горячим маслом сырники. «У тебя все в порядке?», – равнодушно спрашивала мама, когда хлопала входная дверь, он говорил: «Угу», мыл руки и садился обедать или ужинать – в зависимости от обстоятельств – в перманентно надраенной мамой кухне. Почему-то у мамы был пунктик по поводу кухни. Остальные комнаты её не очень интересовали – там могла лежать недельная пыль и валяться разбросанные вещи, но кухню она тёрла, скребла и начищала, кажется, сутки напролёт. Кастрюли блестели так, что если на их торжественные бока попадал свет, то глазам было больно, любое пятно на плите приводило маму в мистический ужас, скатерти на столе она меняла каждые два дня, отбеливая, накрахмаливая, отглаживая.

Вечерами они вместе смотрели какое-нибудь кино. Фэнтези, или триллер, или мистика. То, что подходило всем. Они сидели каждый на своём привычном месте: отец, в те редкие моменты, когда не находился в своих вечных командировках, разваливался на диване, мама съёживалась в глубоком кресле, а Никита ложился на пушистый, мягкий ковёр. Все добросовестно смотрели на экран большого телевизора, подключённого к компу, выполняя обязательную вечернюю программу. Молча. И ещё... Они никогда не смеялись все вместе. В их доме вообще никогда не смеялись. Иногда Киту казалось, что он случайно оказался в семье роботов. Которая живёт по давным-давно заложенной кем-то программе.

– Почему ты позволил это сделать? – повторила мама и отвернулась от Кита к плите. Разговор был закончен, так и не начавшись. Ему и в голову не пришло рассказать о неожиданном провале в памяти.

Никита зашёл ванную и, открыв кран, подставил лицо под обжигающе холодную струю. Одновременно и больно, и приятно. Потом посмотрел в зеркало. Губа точно лопнула и стала раза в три больше, чем ей положено, перекосив лицо на одну сторону. «Красавец», – подмигнул он перекошенному уродцу в зеркале.

– Иди ужинать, – будничным голосом, словно ничего не случилось, крикнула из кухни мама.

Рыжее безобразное мурло скособочило свой вонючий рот:

– Деньги есть?

Он оглядел этот полуфабрикат для крематория с ног до головы. Пацан был какой-то неправильный. Рожа – то что надо для разговора на равных. Наглая, изначально настроенная на то, что он сейчас должен обоссаться от страха. А вот задницу рыжего обтягивали пидорские, очень узкие штаны, заканчивающиеся у щиколотки все той же тоненькой трубочкой. Наши пацаны в таких джинсах не ходят.

– Иди в жопу, – ответил мягко, но подчёркнуто медленно и по слогам.

И сразу посмотрел ему в глаза. Спокойно так, размеренно. По-деловому. Краем глаза заценил кулак, нацеленный в лицо. Попытался незаметно поднять руку на перехват.

И тут все замедлилось, как в тягучей съёмке. Время и пространство стали вязкими, и они с рыжим вдруг забарахтались в самом эпицентре этого липкого приторного варенья.

– Тля небесная и земная! – крикнул кто-то, кого он не видел за спиной рыжего пидора. – Эрик! Он чернеет, мать его! Он.... Ох ты ж! О-ууу...

Подворотню наполнил уже не крик, а какой-то животный вой, преисполненный первобытного ужаса.

Сразу двое или трое крикнули одновременно:

– Эрик, съёживаемся!

– Чего застыл, твою ж мать!

– Беги!

Сквозь ватную липкость, упавшую вдруг и сразу, он скорее почувствовал, чем услышал топот убегающих ног. Это вовсе не зашибись. Кажется, там кто-то брякнулся, запутавшись в собственных ногах, выругался, опять раздался какой-то шлепок и снова топот. Они все убегали и убегали – медленно, торжественно, все ещё не продвинувшись даже до ближайшего поворота, а кулак рыжего все ближе и ближе, но тоже как-то неестественно плавно двигался к его лицу, и, несмотря на это странное замедление, он всё видел, но ничего не мог поделать. А потом кулак коснулся его губ, но он совершенно не почувствовал прикосновения. Просто увидел, что кулак рыжего пидора, у которого глаза все больше наливались отчаянным недоумением, коснулся его рта.

Он почувствовал, что внизу живота нарастает напряжение. Омерзительно. Захотелось скорчиться от невыносимого презрения к себе. Но всё вдруг пропало. Тогда он...

... вскочил на постели, сбитой в давящие комки, и схватился одной рукой за бешено колотящееся о грудную клетку сердце, другая ладонь привычно скользнула ниже живота. Постель была мокрая, трусы липкие. Они перекрутились на бёдрах тугими узлами, острой влажностью врезались в тело. Стояла глубокая ночь. Кит торопливо скатился с кровати, стараясь не задеть мокрое пятно. Стукнулся плечом о край деревянного каркаса, очевидно, попал на какой-то нерв, потому что дёрнуло всё тело, словно через него прошёл ток. Но, благодаря этому, он немного пришёл в себя, словно с нервным разрядом вывалился в реальность. Чёрт побери, что это?

Сквозняк из приоткрытой форточки пузырил лёгкие занавески. Сквозь окно и трепещущий тюль кругло усмехалась полная луна. Ночь стояла яркая и звёздная. Никита лежал на полу абсолютно голый. Смотрел в окно на эту космическую темноту.

Только что он был кем-то другим. И ещё чётко знал, что это не сон. Тот, другой, Он, ещё глухо ворочался в Никите, пытаясь удержаться, хватался за края размытого сознания.

И в эту минуту, когда Кит балансировал на какой-то грани, прежде, чем свалиться в полный вывих мозга, будто что-то позвало его по ту, уличную, сторону ночи. Половица у окна привычно скрипнула. Через сваленные на подоконнике старые диски и уже ненужные пыльные школьные тетради просвечивался единственный тусклый фонарь во дворе. Над ним с неопровержимой победоносностью сиял яркий лунный диск. Огромный. А под этим торжествующим диском танцевала одинокая тонкая фигурка.

Девочка с обручем. Одна в ночи. Она выгибалась как лоза, тянула носки, кружилась, тянулась вверх и сжималась к земле. Обруч то сковывал её блестящей границей, то отпускал на волю. Разрывая невидимое пространство, девочка вырывалась из его плена. На секунду становилась абсолютно лёгкой и свободной, чтобы опять ограничить себя. Она заключала в своём танце единственно возможное вечное движение: через прорыв, преодоление, заключение себя в рамки и выход за них.

Киту показалось, что он слышит, как шелестят листья под её напряжёнными носочками. Сухие осенние листья, наверняка, задавали ей какой-то ритм, и он в воображении Никиты превращался в тонкую, еле слышную музыку.

– Что ты делаешь ночью во дворе? – сам себе под нос пробормотал он, хотя ответ был дик, но очевиден. Киту вдруг невыносимо захотелось рвануться к ней, остановить это добровольное заключение в плен обруча, вжаться в это гибкое тело. Одновременно захотелось стать

тем, кто освободит её, и тем, кто пленит её по новой. Но он, нелепо вдавив лоб в немытое окно с потёками прошедших и уже забытых дождей, смотрел на девочку и обруч, беспомощно ненавидел себя за то, что тело опять напрягалось самым банальным образом.

Невесомая тонкая фигурка под тусклым фонарём и животное вожделение настолько резко соприкоснулись друг с другом, что сознание не выдержало этого напряжения и тут же разверзлось кровоточащей рваной раной. Никита, хлюпнув пару раз горлом, вдруг зарыдал, зажимая рот сразу двумя руками, чтобы голос не прорвался в эту бессловесную странную ночь. В её тишине таилось что-то преступное, но не человеческой морали, а выход за рамки раз и навсегда установленного высшего порядка.

Никита с силой вдавливал обратно в себя рвущиеся наружу вывороченные всхлипы двумя ладонями, и сквозь пальцы тонко и жалобно, как щенячий скулёж, выводилось: «Аллочка, Аллочка», безнадёжно настолько, насколько могут быть безнадежными любые человеческие горести.

Потому что Кит понял откуда-то, словно знал это всегда, что девочку с обручем зовут Аллочка, и что её нет в живых. И ещё он знал, что они с ней связаны чем-то по ту сторону жизни, и то, что видит её вот такую, тонкую, звенящую и стремительную, это неправда.

Очнулся, почувствовав, как в форточку сочится розовый рассветный воздух. Начинался новый день, не оставив ничего от прошедшей ночи. Во дворе не было никакого старого фонаря. Собственно, его там никогда не было. Беспомощно в неумолимо надвигающемся дне умирали лампочки над подъездными козырьками.

– Иди завтракать, – мамин равнодушный голос и запах сырников. Никита достал из шкафа чистые шорты и футболку. Тело ныло, резкой болью постреливало при резких движениях внизу живота, резь заваливалась почему-то куда-то вправо.

Посмотрел в зеркало, пытаясь придать выражению на лице вид «уменьшася нормально, ничего не случилось», и пошёл есть неминуемые сырники.

– Правда, ничего не случилось? – Рай настраивал аппаратуру. Он сидел на корточках спиной к входу, но почувствовал появление Никиты. Утреннее кафе было пустынным. Совсем недавно разошлись полуночные посетители, часа через три придёт дневная смена. Это как раз их время – между ночью и днём. Такое вот густое межвременье, в которое им удалось втиснуться, благодаря тому, что хозяин кафе числился другом старшего брата Рая.

В их распоряжение он великодушно предоставил обычный набор музыкантов – две гитары и синтезатор. В углу стояла прикрытая серым огромным чехлом ударная установка, но им не разрешалось её трогать. Это не огорчало, так как всё равно барабанщика они ещё не нашли.

Никита буркнул в спину Рая что-то неопределённое. Друг оглянулся и увидел оплывшую губу:

– Ого!

– Рыжий Эрик, – нехотя признался Званцев. – Они все тусовались там.

– Почему ты? – совершенно искренне удивился Рай.

– Не я. Гаевский, – ответил Кит, и друг всё сразу понял. – Я оказался случайной закуской. В общем, тоже неплохой. Почему нет? Хорошо учусь, вежлив, хожу в музыкальную школу, причём с удовольствием, а не потому, что заставляют. У меня есть мечта. Классическая жертва для банды Рыжего Эрика.

– Ты не сможешь сегодня петь, – Рай покачал головой. Никита поймал себя на том, что ему нравится смотреть на друга. Точёный подбородок, высокие скулы, чистый взгляд. Высок и грациозен. До него все время хотелось дотронуться. Рай казался сейчас таким же нереальным, как ночная девочка под фонарём. Но, в отличие от неё, он действительно был.

– И завтра не сможешь, – кажется, Рай по-своему истолковал его взгляд. Никита немного смутился.

– Всё равно нас никто здесь не будет слушать, – он обвёл рукой сонное пространство отдыхающего после ночного безумия кафе. – Или, на крайний случай, будешь петь ты.

– Ладно, проехали, – Рай улыбнулся. – У меня есть для тебя хорошая новость. Ирма вчера отдала мне первый текст. Понимаешь, Кит, это первый текст, написанный для нас!

– Это к какой композиции? – Кит обрадовался.

– К «Тайне», – довольно зажмурился Рай. – Она сказала, что её сразу зацепило.

«Тайна», действительно, была чем-то особенным. Кит написал её совсем недавно, недолго думая. Она просто свалилась на него откуда-то сверху, вся сразу от начала и до конца. Тревожная и щемящая мелодия, которая нарастала, чтобы в конце сорваться в неминуемую бездну. Но обрывалась, не дойдя до этой последней черты, откатывалась назад, балансировала между предчувствием и знанием.

Он развернул бумажный листок из тетради в клеточку. Ирма принципиально писала свои стихи только от руки и на каких-нибудь обрывках.

«Там, где тает ночь и наливается день

В светносные дебри Гипериона

Из набухшего лона возможности параллель

Вновь родившимся братом взрывает мозги закона...»

– Чушь какая, – пробормотал он сам себе. – И как она представляет это в песне?

Но вслух ничего не сказал. Вид у Рая был довольный до невозможности, он явно пребывал в восторге от этого текста. А Никите совершенно не хотелось его расстраивать. По крайней мере, сегодня. Хватит и того, что он не сможет ещё несколько дней петь.

– Становится холодно, – сказала вечером мама. – Мешок с тёплыми вещами на антресолях. Я бы сама достала, но у меня приступ остеохондроза.

Её шея искривилась в неестественном положении, сейчас мама выглядела как настороженная птица, выглядывающая из густой заросли травы. Никита хотел спросить, чем может помочь, но она опередила.

– Ничего страшного, выпью таблетку, завтра пройдет. Ты сам вытащи мешок, ладно? Там шерстяные шарфы, осенние шапки и перчатки.

Табурет качался, и Никита подумал, что нужно укрепить его ножки. К мешку с тёплыми вещами откуда-то из темных недр антресолей прицепился кусок ленты от скотча. Её продолжение тянулось в долгий и неизвестный мрак шкафа. Никита не видел, что он там держал, но вслед за нужным ему мешком тащилось что-то тяжёлое и громоздкое. Он дёрнул сильнее, и на него свалился и мешок, и большая картонная коробка, которая вылетела следом. Все вместе они в мгновение ока оказались на полу. Коробка накренилась, от старости скотч, державший крышку, отошёл. Он потерял свою липкость и уже не сдерживал вываливающееся из коробки содержимое. На пол сыпалась какая-то старая одежда, на ногу больно вывалился детский паровозик, а сверху всего доисторический, пыльный фотоальбом хлопнулся из коробки на пол. По полу разлетелись какие-то фотоснимки.

Кит нагнулся, чтобы собрать их, и замер над первой же, что оказалась у него в руках. Потому что увидел на ней незнакомого самого себя. Он и не он. Лицо – его, то, что видел каждое утро в зеркале, когда чистил зубы. Но этот парень с лицом Никиты смеялся в камеру – весело, задорно, немного хулигански, но все равно очень мило. Званцев не смеялся так. Никогда. Одежда на человеке с лицом Кита выдавала моду двадцатилетней давности, что-то неуловимо подчёркивало в ней прошедшее время. Джинсы смотрелись слегка мешковатыми, у футболки на пару сантиметров от обычного спущена линия плеча.

И ещё. Никита на этом фото обнимал за плечи – легко и свободно – каких-то совершенно незнакомых пацанов. Они стояли втроём на углу дома, которого Кит ни разу в жизни не видел.

Никита схватил ещё одно фото с пола, случайное, какое попало под руку. На снимке тот же мальчишка – с его лицом – только немного помладше. Но всё равно узнаваемый. Он (или не он?) театрально супил брови, повернувшись в пол-оборота на велосипеде, чуть притормаживал одной ногой в раздолбанной кроссовке по земле. У него явно горели какие-то дела, мальчишка весь – стремление, порыв, скорость. Даже педаль, кажется, ещё проворачивается вхолостую, а тут кто-то окликнул его, остановил, и лицо хмурилось негодующее, но такое... живое и настоящее. Кит схватил ещё одно фото – размытое, неудачное, кто-то снимал в школе из-под парты, как он (или не он?) спал прямо в классе, явно на последнем ряду, упёршись головой в совершенно незнакомый рюкзак, он точно помнит – никогда не было у него такого рюкзака, и парты такой не случалось в его жизни.

Никита судорожно хватал рассыпавшиеся по полу карточки, с жадным ужасом всматриваясь в его неизвестную ему жизнь.

Он вдруг понял: в семье нет его детских фотографий. Ни одной. Фотолетопись начиналась с того момента, когда ему купили телефон, и он сам начал делать селфи. Никаких счастливых родителей на пороге роддома, ни первых шагов смешного карапуза, ни совместного отдыха за городом. Ничего. Оказывается, он никогда не видел себя маленьким. Раньше не задумывался над этим. Нет и нет.

И только теперь с каким-то странным смешанным чувством смотрел на эти старые карточки, ещё напечатанные на фотобумаге. Мама с карапузом в джинсовом комбинезончике, штанины подвёрнуты, явно покупался на вырост. Она молодая и красивая, Никита такую никогда и не знал, смеётся в камеру, прямо хохочет – заливается. И трёхлетний малыш с глазами Никиты хохочет и показывает пальцем на кого, кто их снимает сейчас. Им вместе хорошо. Никита не помнит, чтобы мама когда-нибудь так обнимала его. Нежно, берегающе, готовая отдать жизнь за каждую минуту этого смеха. Кит пытался вспомнить эти моменты, но их не обнаружилось ни в памяти, ни в сердце.

– Иди ужинать, – раздался мамин голос, и он словно вор, торопясь и суется, как попало стал запихивать фото обратно в альбом. Альбом – в коробку, сверху кидая старую мальчишескую одежду, и все это заталкивал опять на антресоли.

Только одно фото, где он стоял в обнимку с двумя неизвестными друзьями, в последний момент сунул в карман джинсов. Надо было показать альбом маме и спросить, что это такое. Или похоронить этот странный случай навсегда в своей памяти. Но почему-то Никита не сделал ни того, ни другого.

Взрослый Званцев достал из кармана старую карточку, обтрепанную по краям, наполовину пожелтевшую. Митька и Дрюня как живые уставились на него своими весёлыми, по-детски беззаботными глазами. Никого из них не осталось на этом свете. Ни Митьки, ни Дрюни, ни Рая...

Рай... В сердце кольнуло ледяной иглой. Ни вздохнуть ни выдохнуть. Накатила старинная тоска, от которой хотелось выть. Никого не осталось. Только Гаевский. Трусливый, нерешительный, витающий в своих фантазиях большой ребёнок с кровью густой и вязкой, как расплавленная смола. И такой же чёрной. В этом нет его вины. Чёрт бы побрал чёрную кровь Гаевского...

Кит последний раз бросил взгляд на угол с тем же вечным зелёным мусорным контейнером. Здесь всё для него началось. Здесь же пора заканчивать. Хотя бы историю Гаевского.

Званцев развернулся и уверенной походкой зашагал в сторону Покатаюшки.

Глава шестая. Сбываются ли сны со вторника на среду?

Проснулся Гай от бодрой мелодии телефонного звонка и обрадовался. Он рванулся навстречу этому мотиву, несмотря на слабость, лёгкую тошноту и головокружение. Номер был незнакомый, но Кит и обещал звонить с незнакомых номеров, поэтому Гай радостно нажал кнопку вызова, ожидая услышать голос друга. Эфир ухнул, кашляющее гоготнул, и Гай почувствовал раньше, чем понял – звонивший не Кит.

– Молчишь? – кто-то чужой, гундосый и въедливый явно решил поиздеваться над ним. – Думаешь, хорошо спрятался, падла? Отдай, что скрысятничал, бобёр...

– Вы... Кто? – зачем-то совершенно по-дурацки спросил Гай. Голос противно дрожал.

– Ты куда, сука, товар дел? – прохрипел жутким шёпотом мобильник. Гаю показалось, что где-то рядом с шипевшим слышны всхлипывания Крошки. – Если посылку не вернёшь, бабки гони. Мы про тебя всё знаем. И что в магазине у Леонида в тетраджах-ручках работаешь, это нам тоже известно. Так что, писарь, пиши белым по чёрному: если деньги не вернёшь, тебе – писец...

Мобильник озвучил сумму, от которой у Гаю перед глазами замаячили яхты, пятизвездочные гостиницы и несколько лет безбедной жизни. Таких денег на его жизненном пути никогда не встречалось. В голосе Гаю появилось какое-то холуйское раболепие, от которого ему самому стало противно.

– Так я это, – проговорил он, – коробочку вашу в конюшнях разрушенных оставил. Только если...

Его пронзила внезапная догадка.

– Там собаки... Специально обученные... Они, наверное, посылочку того... Унюхали. Я вообще не при чём. Случайно там оказался. У меня из-за этого у самого неприятности...

– А это уже твои проблемы, – перебивая, опять прошипел мобильник. – Товар или бабки. Иначе тебе, писарь, писец.

Мобильник залился кашляющим смехом, очевидно, невероятно довольный собой.

– Вот так, писец тебе, писарь, – повторил с удовольствием. – Большой и пушистый.

Гай отключил телефон совсем и зачем-то спрятал под подушку. Потом опять же непонятно почему достал, брезгливо кинул в шкаф, завалил старыми одеялами, стопкой свёрнутых тут же. Словно мобильный, похороненный под плотной кучей тряпья, мог скрыть его местонахождение.

Немного успокоившись, Гай поднял с пола брошенную ветровку, которая так и валялась с того дня, когда Кит привёл его сюда. Из кармана вылетел маленький бумажный пакетик. Гай с удивлением уставился на него и вдруг вспомнил, что это. Расчистил на столе место и осторожно выложил из бумажки женскую серебряную серёжку. Старинную, изысканную, скорее всего, из очень Дорогих, хотя Гай и не разбирался в ювелирных украшениях. Но так она выглядела: просто и загадочно. Зелёный квадратик изумруда с тёмными прожилками, зацепленный на серебряный крючок.

Он вдруг понял, что кто-то, в свою очередь, пристально смотрит на него. Гай обвёл глазами комнату и, не обнаружив ничего странного ни на потолке, ни на стенах, перевёл взгляд на пол. Буравящий взгляд ощущался именно оттуда. Внизу, на тщательно выверенном и безопасном расстоянии от его ноги, сидел большой бело-рыжий крыс.

«Наверное, это Крис», – очень спокойно, как о чём-то само собой разумеющимся, подумал Гай. Хвост бело-рыжего, надламываясь посередине, заканчивался поникшей безжизненной верёвкой. Казалось, что половина его умерла. «Это из-за капкана, – всё так же отстранённо подумал Гай. – Я покалечил его хвост».

Крис смотрел на него в упор, и даже, несмотря на апатию, которая вдруг охватила Гая, взгляд крысиных пронзительных глаз чудился ему жутким и абсолютно иным. Словно иноземный, непонятный разум смотрел на Гая глазами большого крыса с отмирающим хвостом. Тяжёлой энергетикой наполнялось пространство небольшой комнаты, и Гай, не выдержав этого внимательного жуткого взгляда, прошептал:

– Ну, ты прости меня, ладно? Я же не знал... Не знал, что это ты...

Помешкал секунду и признался уже совсем честно:

– Не знал, что ты – друг Аристарха Васильевича.

И это было правдой. Виноватым чувствовал себя Гай не перед противной жуткой крысой, а перед по-детски любопытным рыже-белым другом чудаковатого старичка.

Крис кивнул, а, может, Гаю это показалось. Но крыс тут же метнулся куда-то в угол и пропал из вида. Событие это, по сути, совершенно непонятное, тем не менее выбило Гая из созерцательного разглядывания серёжки. Он завернул безделушку обратно в бумажку и опустил в карман куртки. Горло всё ещё болело, и нестерпимо захотелось почему-то квасу. Шипучего, продирающего пластилиновую заложенность слизистой, сладко-кислого, немного пьянящего. Гай знал, что такой квас продаётся совсем рядом. В той самой трапезной монастыря, где он периодически харчевался, продавался именно такой квас. И стоил буквально копейки, которые не пробивали никакую брешь в бюджете Гая.

Он подумал совсем немного, и, прикинув своё всё ещё слабое состояние, и решил, что должен пойти. Ну, не свалится на Дороге, это точно.

Гай, шурясь от тёплых и нестерпимо ярких для его воспалённых глаз бликов, чуть пошатываясь, отправился вверх на взгорок. Туда, где тянулись свежеекрашенные в нежно желтковый цвет стены монастыря. Близость обители ощущалась по мере концентрации определённых настроений и разговоров. Женщины неторопливые, с непонятным Гаю, но определённым светом в глазах, тёплые даже на мимолётный взгляд, шли по мостовой, прислушиваясь к чему-то внутри себя, словно все они беременны. Конечно, все они не были, но Гай просто напивался этим неторопливым, идущим изнутри светом, недоступным ему, и ловил обрывки разговоров:

– Сначала думала чёрную, в белый большой горох, а потом увидела такую беленькую, всю-всю беленькую. Я выбирала, а тут какая-то женщина подошла, в синем платочке, прямо около меня закрутилась, возле косыночек: «Ой, мне бы купить, нужна мне такая». Старуха в лавке высунулась: «Таня, это ты, что ли?», а та закивала и на мою беленькую косыночку смотрит: «Вот эта прям моя, будто меня ждёт». Тогда я быстро деньги достала и продавщице протягиваю – вот эту, вот эту... Просто вдруг поняла, от жадности что ли, хочу такую косыночку, и всё тут. «Я на неё тоже смотрела», – как-то с претензией даже этой Тане говорю. И на что мне эта косыночка, я их сроду не носила... Какая мне была разница? Один раз к мощам приклониться. Какая разница? А почему-то захотелось в беленьком, радостном...

Эти радостные, никчёмные, суетливые разговоры про косыночки казались Гаю полными значения, и в иное время раздражали бы, а сейчас даже вызывали слёзы умиления. Впрочем, глаза могли слезиться и от непривычно яркого света, Гай улыбнулся и своей внезапно навалившейся сентиментальности, и попыткам эту сентиментальность объяснить чем-то другим, тем, что он застеснялся сам себя.

«Лиде бы понравилось это», – вдруг подумал он, и опять же ему стало радостно от того, что вспомнил Лиду. Везде Гаю чудились хорошие знаки. И эта косыночка... Так мило...

Даже опостылевшие нищенские обеды в монастырской трапезной, овеванные мыслями о Лиде, казались уютными и полными значения. На него разом упали то ли воспоминания минувшей ночи, то ли болезненный, но такой приятный бред. Утренний резкий звонок перекрыл плотным, душным полотном ночные видения, но разговор о косыночке мягким крючком подцепил и вытащил видение, от которого шла приятная дрожь по всему телу. Да, Гай уверен,

что видел сон, но каким же достоверным, до запахов, ощущений, мельчайших деталей было это сновидение.

Ему приснилась сегодня Лида. Тени прыгали по обшарпанной стене, танцевали, дёргаясь, как эпилептики в припадке, размазывались серыми кляксами и снова концентрировались в подобие образов. Гай попытался прикоснуться к Лиде, но она испуганно отдёргнула к груди руку, вся как-то сжалась настолько отчаянно, что он тут же оставил всякие попытки удержать эту зыбкость. Хотя ему неистово захотелось тут же присвоить Лиду себе. Его тело узнавало её, Гай мог поклясться, что руки помнят податливую теплоту кожи, тонкий, почти незаметный пушок на сгибе у локтя, интимную ямочку над ключицами, когда Лида ёжится. Откуда он знал это? Давным-давно знал, чувствовал, жалел её.

– Вы о чём-то думаете? – спросил он, исполняя тем самым неловкий отвлекающий манёвр.

– Наверное, – пожала Лида гладкими плечами. Гай очутился в облаке тех самых духов, аромат которых он почувствовал и в прошлый раз.

– Я стояла тут и стояла, не зная, кто я и что мне делать, – виновато улыбнулась Лида. – Какой-то невероятно тоскливый комар всё плакал тоненько над головой, этот разрывающий душу плач всё никак не умолкал.

Она помолчала немного, словно раздумывая, рассказывать дальше или нет. Гай тоже молчал, понимая, что она заговорит только, если сама этого захочет. Потом Лида все-таки произнесла:

– Я так долго стояла тут. Кажется, целую вечность. И комар плакал и плакал. Не переставая. Тогда... Стали посещать мысли. Странные.

Лида опять посмотрела на него этим особенным, растерянным взглядом, от которого у Гая сердце переворачивалось, и на нем, на сердце, выступали горькие, никому не видные слезы. Он понимающе кивнул.

– Мне... Я в тот момент поняла, что больше всего на свете люблю ароматы. Всякие. Вот я вдыхаю долгое предчувствие дождя, и запах этот иной, совсем иной, чем, скажем, пахнет дождь, который пойдёт вот-вот. Я вдыхаю и закрываю глаза, всё, что мне нужно – выделить и запомнить составляющие, чтобы потом повторить их. Чувствуете: угольной кислоты сейчас немного больше, чем азотной?

Гай оторопело кивнул и закашлялся от вранья. Конечно, он этого не чувствовал. Но Лида обрадовалась:

– Это потому что грозы далеко. И – очень непривычно – большая концентрация серы. Странное ощущение, но, пожалуй, мне больше нравится, чем нет.

– Простите, – наконец-то прокашлялся Гай. – А зачем вам... Выделить и запомнить составляющие?

– Чтобы добавить в композицию, – ответила Лида. – Немного дождя никогда не помешает. И от нюансов зависит: будет ли это предчувствие или надежда. От одной-единственной ноты. Вы чувствуете разницу между предчувствием и надеждой?

– Вы – парфюмер? – догадался Гай.

– Да... Нет... Не знаю. Ароматы. Я очень люблю ароматы.

Она задумалась и вдруг поникла:

– А больше ничего... Ничего не знаю. Мокро и холодно. Сначала – тёплая свежесть дождя на коже и желание сохранить момент в аромате, а потом – мокро и холодно. И темно.

Глаза её превратились в два огромных, наполненных ужасом провала, когда Лида взглянула на Гая. Он знал один, только один способ избежать холода и темноты. И тогда Гай в этом своём сне взял Лиду за руку, тонкую и прохладную, ощущая через узкую ладонь всю прозрачность её невесомого существа. От этого лёгкого прикосновения пали преграды, которыми

Господь зачем-то разделил души, Гай хлынул всеми своими смыслами в основу другого человека. Как будто одна река, бешеным, переполнявшимся натиском выломала плотину и вторглась в соседние воды.

Близость другого ударила в голову, и он потянул Лиду за собой, ещё не понимая, что делает, в подъезд, а потом наверх. По пути на третий этаж лестничные пролёты выстреливали бутонами распускающихся цветов, густо завивались лианы, небрежно выплёвывая на закрученную гибкими побегами стену сладко пахнущие цветы. Огромные нежно-фиолетовые колокольчики трепетали лепестками от любого движения, а потом они оказались в комнате, которая прижала Гая к Лиде так плотно, что для разговоров места не оставалось.

Он вдруг стал кем-то другим, вроде и Гаем, но в то же время человеком, в котором чувства обострились настолько, что опрокинули его в область совершенно неизведанного. Кровь стучала в висках, била в кончики пальцев, кружила голову, отдавалась тёплой волной в колени.

– Тебе не будет темно, – только и смог сказать Гай, зарываясь лицом в её сладко пахнущие волосы. – Теперь никогда не будет темно, обещаю...

Он почувствовал вкус её губ, медово-хмельной, как цветы, распутившиеся в вонючем, старом подъезде, и готовность губ раскрыться такими же трепещущими лепестками навстречу. Бурная горная река по имени Гай вливалась в подземную реку по имени Лида, пробуждая к страсти её тёмные, мёртвые воды. Тонкая рубашка свалилась с одного её плеча, являя режущую глаз белизну и хрупкость, он сжал оголившуюся кожу требовательной ладонью и застонал от предчувствия наслаждения...

Раздался резкий всхлип, откуда-то со стороны, словно кто-то, торопясь втягивал в себя две сливающиеся реки. Чужой, посторонний, вторглся в пространство, принадлежащее только им двоим. Гай очнулся. Колени резко подкосились, он едва успел схватиться за подоконник, чтобы не упасть. Потому что вдруг оказался выжат, как лимон. Руки и ноги казались ватными, в душе зияла огромная пустая дыра. Было глухо и противно, на языке ощущался привкус тухлой рыбы, приправленной йодом. Как он мог заснуть, стоя у подоконника?

Занималась заря. В отсвете просыпающегося солнца от окна, где бредил Гай, метнулась большая птица, торопливо втягивая под крылья что-то очень похожее на пушистый кошачий хвост.

Ему показалось тогда или крупная птица наяву улепётывала от окна, сворачивая своё странное кошачье жало? Задумавшись Гай врезался лбом во что-то твёрдое и одновременно мягкое, человеческое... Удивился, поднял глаза увидел перед собой очень высокую и широкую женщину.

– Извините, – сконфуженно и от неловкости ситуации, и от того, что вдруг почувствовал себя пигмеем, пробормотал Гай.

Очень большая женщина смотрела на него с ласковой материнской насмешкой, скрепив большие мягкие руки на груди. Несмотря на солнечный день, она, очевидно, достаточно комфортно чувствовала себя в глухом тёмно-зелёном бархатном платье, скрывающем ноги до самых туфель. Тяжёлая юбка чуть подрагивала, шла тяжёлыми волнами от каждого вдоха на выпуклом животе. Тёмная, прозрачная, но плотная косынка съехала на затылок, из-под неё нелепо на общем грандиозном фоне торчали круглые, пельмешечные уши. Так же из-под косынки на Гая смотрели пронзительные карие глаза, круглые, в сетке тонких морщин. Он неприятно удивился похожести взгляда на тот, которым бело-рыжий Крис укоризненно взирал на него ещё час назад. За терпеливой снисходительностью скрывалась тяжёлая, много знающая и страдающая от знания тьма.

– Извините, – ещё раз пробормотал он, пытаясь вложить в голос всё раскаянье, на которое оказался способен.

– Я – Мирра, – глубоким грудным голосом наконец-то вдруг произнесла она. – И у тебя должна быть достаточно веская причина, чтобы вот так ни с того ни с сего нарушать моё личное пространство. Говори, я слушаю.

Она коротко хохотнула, узрев его ошарашенный вид.

– Ты думаешь, что кто-то может вот так просто со мной столкнуться? И знаешь, что...

Большая Мирра ненадолго задумалась, подняла голову, отчаянно шурясь на яркое солнце, погрозила кому-то в небо пальцем и снова сложила руки на груди:

– Нет, сейчас никакой возможности. Иного выхода нет. Я жду тебя завтра вечером в Лаврушинском переулке.

– Это где?

– Прямо напротив Третьяковки. Дом писателей знаешь?

Гай покачал головой.

– Узнаешь, – отрезала Мирра. – Приходи, когда стемнеет. Во двор зайдёшь, под вторым рядом эркеров встанешь, там, где стрелецкий музей, просвистишь...

Она подозрительно прищурилась:

– Ты свистеть-то умеешь?

Гай молча пожал плечами, уже совершенно упиваясь своей ничтожностью. Внезапно он спохватился:

– Извините, но вы вообще, кто? И почему я должен непременно прийти к вам в Лаврушинский переулок, в этот... Как его... Авторский дом?

– Дом писателей, – поправила его учительским тоном Мирра. – А я – твой репетитор. Будем готовиться. Теперь я и сама вижу, что это необходимо. Ладно, свистеть не нужно. Поднимайся на второй этаж и звони три раза. Там единственная дверь со звонком, не ошибёшься.

Гай молча смотрел на неё. А что он ещё мог сказать в этой ситуации?

– Не беспокойся, – поняла его молчание по-своему новоявленная громоподобная репетиторша. – Меня наняли. Платить не нужно. В общем, сейчас и быстренько не получится. Придётся тебе наведаться в Замоскворечье. Как стемнеет, помнишь? Ни раньше, ни позже...

На этом она тяжело развернулась, отправилась вдоль стены и в какой-то момент словно растворилась, пропав в невидимом Гаю переулке за углом. Он всё так же стоял с открытым ртом, глаза слезились под ярким солнцем, колени подгибались от слабости. Как только Мирра исчезла, мир вокруг Гая тут же наполнился людьми, они, кажется, притормозили где-то, не решаясь нарушить разговор, а теперь шумно спешили наверстать упущенное время. Его пихали со всех сторон, извинялись, снова толкали, а он стоял внезапно одеревеневшим истуканом, и пытался понять, что это такое было, вот только что.

Наконец, он опомнился, пошёл куда-то, хотя кваса так и не купил. Гай совершенно забыл, что шёл на самом деле за монастырским квасом, а теперь просто брёл по улице, бормоча себе под нос: «И куда я не пойду, особенно, когда стемнеет... С чего это мне куда-то идти? С какой такой радости мне вообще связываться с этой большой дамой, которая назвалась репетитором? Чего это мне с ней репетировать?».

Уже совсем стемнело, когда Гай решил, хоть и без кваса, но всё-таки вернуться домой. Начинало капать, и явно не собиралось так просто заканчиваться. В этой мороси чувствовалась затаённая сила, которая обещала вот-вот взорваться изнутри и хлынуть вполне себе приличным дождём.

В тихом обычно дворе происходила какая-то возня, это слышалось сразу на выходе из арки, сквозная труба которой одновременно гасила звуки при выходе на улицу и усиливала их в сторону двора. В её проёме серебрились нити всё-таки разошедшегося дождя, он шумел, уже не просто падая на листву, а булькал пеной тут же скопившихся луж.

– Чё, ломается шизуха?

Гогот.

– Она по ходу совсем с катушек слетела. Глянь, совсем готовенькая...

– Чёрт, эта рубашка, приклеенная что ли...

Фонарь почему-то не горел, и всё, что Гай заметил, это тёмные тени. Три или четыре глухих силуэта и один почти прозрачный, светлый. Лида сама по себе светилась изнутри мягким серебряным светом, неловко вжимаясь в стену, скрываясь от тянущихся к ней тёмных рук. Она молчала, не пытаясь даже отбиваться, просто закрывалась невесомыми ладонями.

Это можно было объяснить только тем, что он не совсем ещё выздоровел, иначе, зачем Гаю кидаться в гущу этих тёмных силуэтов, в жуткую кучу протоплазмы, из которой то тут, то там выдвигались ложноножки и ложноручки? Сознания хватило только на то, чтобы машинально схватить с земли обломок кирпича – то, что попало под руку. Он видел, как в медленном тягучем сне: мерзкие щупальца-ложноручки задирают ночную рубашку на Лиде, и тёплое сияние распространяется от её обнажённого живота и плотно сжатых бёдер, сутулые спины и прерывистые дыхания, уже почти хрипы, всё это приближается и приближается, пока он летит прямо в центр тугого узла, исходящего похотью – липкой, потной и вонючей. Где-то на периферии сознания над всей этой безобразной картиной в мареве исходящего паром дождя возникло тонкое женское лицо, похожее на лицо Лиды, но другое – тёмные узкие глаза, ввалившиеся скулы, чувственные ноздри, раздувающиеся от волнения. Лик парил над обескровленным темнотой двором, словно луна, которая так и не показалась ещё из-за туч.

– Вот лярва, – раздалось в голове у Гая одновременно с глухим стуком и болью, наступившей внезапно. Женский лик дёрнулся, рассыпался на мелкие рваные клочки, и Гай упал на землю, прямо под ноги распалённых собственной безнаказанностью вырождков, и тут же захлебнулся болью: в бока и живот резко вошли удары тяжёлых ног. На мгновение ему малодушно захотелось перемотать время к тому моменту, когда он схватил обломок кирпича, прежде, чем ринутся в изначально фатальный для него бой, а потом и эта мысль оборвалась.

Так же резко удары прекратились. Над Гаем, скорчившимся на мокрой и грязной земле, раздался крик. Не торжествующе-злостный и упивающийся властью, а испуганный вопль, дерущий чью-то гортань. Глухо ухнул кто-то из избивавших Гая отморожков. Что-то просвистело над ним и шлёпнулось о ближайшую стену. А потом стало сразу свободно и тихо. Гай открыл глаза. Эхо от топота ног, затихающее в арке, бледная, как луна, Лида, светящаяся обнажённой кожей. Около Лиды – кто-то невысокий, но статный, в тёмном старинном плаще с пелериной, укутанный в него так, что не видно ни ног, ни глаз.

– Кто здесь? – растерянно сказала Лида. Она вскинула руки перед собой и водила пальцами словно слепая прямо над головой склонившегося к её ногам чёрного человека.

– Лидушка, – наверное, Гаю показалось, что незнакомец всхлипнул. – Лида, это я.

Его голос был подобен ливню. Бархатный баритон, мужественный и приятный. Но девушка, кажется, его не услышала.

– Кто здесь? – повторила Лида, пальцы её продолжали перебирать воздух.

– Ты не слышишь меня, Лидушка? – руки незнакомца тянулись к девушке, но словно наткнулись на невидимое стекло. Это чувствовалось ещё более пугающе, чем недавняя стычка. – Где ты? Я не могу дотронуться до тебя.

Гай забарахтался в грязной хляби, с трудом пытаясь подняться. Тело, на секунду получившее эйфорию от того, что перестали сыпаться новые удары, взорвалось болью от уже полученных. Он испугался, но больше не за себя, а за то, что эти подонки что-то сделали с Лидой такое, от чего она ослепла.

– Лида, – крикнул он, и девушка наконец-то оторвалась от стены, ринулась к нему, пугающе игнорируя своего настоящего спасителя.

– Это вы! – она повалилась перед ним прямо в слякоть на колени, и дождь тут же смыл грязь с её рук и лица. – Вы спасли меня!

Гай вспомнил свою бесславную атаку и умоляюще посмотрел на поникшего человека в длинном плаще. Тот теперь не пытался что-либо сказать Лиде или Гаю, он просто смотрел на них странным, долгим взглядом. Обречённым.

– Нет, – сказал Гай, хватаясь за мокрые руки Лиды. – Нас всех спас он. И вас, и меня спас этот человек.

Он показал глазами в сторону чёрного старинного плаща.

– Но... Там никого нет, – удивилась девушка. – Я никого не вижу.

Незнакомец дёрнулся от её тихих слов, как если бы Лида громко закричала, и уронил лицо в ладони. Весь его вид выражал отчаянье.

– Всё ещё нет, – громко сказал он. – Всё ещё нет...

Гай с трудом поднялся, пытаясь не опираться на хрустальное плечо Лиды. Он посмотрел на своего спасителя:

– Простите, она немного не в себе. Спасибо вам большое.

– Чёрт, – незнакомец резко изменил интонацию. – Вот уж чего мне не нужно, так это вот этих ваших благодарностей.

– Вы с кем-то говорите? – спросила Лида Гая.

– Так сам с собой, – почему-то сказал он. – Я иногда разговариваю сам с собой. А эти... Которые... Тут. Кто они?

– Я не знаю, – голос девушки задрожал. – Я действительно не знаю, что им от меня нужно.

Тут девушка вскрикнула и упала ему на руки. Словно недавнее беспомощное сопротивление лишило её последних сил. Всё ещё лил дождь, а они словно и не замечали его – скульптурная композиция «Третий лишний». Гай с Лидой на руках и печально вззирающий на них третий, скрывающий лицо под широким капюшоном.

– Я отнесу её к себе, – растерянно пояснил Гай. Ему было очень тяжело, больно и неловко с девушкой на руках. Но помочь он так и не попросил. Включилось внутреннее чувство, что этого делать не нужно. – Я живу в этом доме. Она будет в безопасности.

Человек в плаще громко, неожиданно и непонятно крикнул в дождливое, шумное небо:

– Скурда, сука!

Гай понял, что это ругательство. Словно облегчив себе этим криком жизнь, незнакомец повернулся к нему и уже спокойно сказал:

– Я чувствую, что Лидушка в безопасности. Так что – оревуар, предатель.

Он мог бы взмахнуть плащом и исчезнуть, Гай и в этом случае не удивился бы. Чем-то этот спаситель напоминал Гаю Кита. Неуловимо-загадочным. Такое исчезновение было в духе Кита. Но человек в чёрном просто зашёл в арку и растворился в запахе дождя, вымывающего из туннеля ароматы мочи и затхлого времени. Гай проводил его взглядом и охнул. Боль в боку возвращалась. Он мимолётно вспомнил несуществующую луну – прекрасное и порочное женское лицо над ними всеми, и тут же забыл.

– Лида, – сказал он беспамятной девушке. – Я сейчас что-нибудь придумаю. Подождите немного.

Гай виновато опустил её опять прямо на землю, но если бы он не сделал этого, то непременно бы выронил, настолько жгло и крутило в боку. Сел рядом, зажимая рукой больное место, и стал судорожно думать, откуда просить помощи. Лида, не раскрывая глаз, вдруг глухо заговорила:

– Оставьте меня. Эта боль возвращается. Сначала в голову. Затем – в ноги. Ледяные гибкие корни прорастают сквозь мои руки. Рот заливают вода. Я возвращаюсь вместе с болью...

Гаю очень хотелось, чтобы она замолчала. Конечно, это был просто бред, но настолько ирреальный, что ему показалось, что его сейчас тоже оплетёт этими корнями, Гай даже упёрся руками в землю, чтобы нащупать затягивающие побеги, словно они действительно вот-вот должны появиться. Скрипнула подъездная дверь. На пороге показался чей-то смутный силуэт.

– Эй, – крикнул Гай, и преодолевая боль махнул рукой, привлекая внимание. – Нам нужна помощь.

И тут зажегся уличный фонарь. Светом, как всегда тусклым, но Гаю показалось, что в темноте вспыхнули мириады ярчайших лампочек. Он зажмурил глаза от неожиданности, а когда открыл их, то Лиды около него не было. И дождь тоже прекратился.

Глава седьмая. Репетиция непонятно чего

На следующий день Гай всё-таки пошёл к Мирре, несмотря на то, что каждый шаг давался с трудом, а на боку разливался злоеший чёрный синяк. Только уже на Немцовском мосту, осознав, что движется медленно, но верно в сторону Замоскворечья, испугался, но назад не повернул. Мост переходил быстро, почти зажимившись, чтобы не смотреть на бликующие в закатных лучах тёмные воды. Помнил, как манила его кривая девочка-ваганька скрыться в страшном веселье речной глади.

Уже в неторопливых сумерках вышел к мрачному, нависающему над тротуаром непривлекательному дому постройки тридцатых сталинских годов. Гай остановился около тяжёлого парадного крыльца, немного подумал, заглянул за угол. Набираясь смелости, посидел немного в скверике около небольшого, но милого фонтана, и скоро умиротворился до такой степени, что уже был готов, если не ко всему, то ко многому.

Наверное, в этом имелся особый смысл, так как, когда Гай уже совсем решил, что может идти навстречу ещё одному непонятному приключению, он вдруг услышал приближающийся звон. Словно кто-то катал в сумерках мелкие круглые предметы. Звон то удалялся, то приближался, то стихал, то набирал силу. Он не слышался как прямая угроза, просто в тишине приливами и отливами что-то побрякивало, но Гаю почему-то стало очень не по себе.

Он сам не понял, как и когда, пытаясь оторваться от навязчивого, катящегося за ним звона, метнулся почему-то не в жилой двор, а к пугающему его тёмному крыльцу. Парадная дверь, изначально производящая впечатление навсегда закрытой, сразу же поддалась. Гай единым прыжком перемахнул два пролёта и отчаянно затрезвонил в единственный на всей площадке звонок. На его счастье, Мирра в огромном домашнем халате с тёмными цветами на чёрно-синем фоне сразу распахнула дверь.

– Там, – пролепетал Гай, махнув рукой себе за спину, – там кто-то звенит...

Заскочил в открывшийся проём и даже как-то спрятался за надёжной фигурой Мирры. Она выглянула за дверь, повертела там головой, прикрикнула:

– Эй, балбесы, это ко мне!

Звон утих. В полной тишине Мирра закрыла дверь.

– Звонцы, – успокаивающе произнесла она. – Они мирные сейчас.

– Какие звонцы? – успокоившийся Гай следовал за ней по длинному коридору, в конце которого, очевидно на кухне, мягко и тепло горел приглушенный ночник.

– Тут недалеко когда-то Денежный двор находился, – на удивление приветливо объяснила ему Мирра. Она даже остановилась и повернулась лицом к Гаю. – Огромный, просто сказочный. Его так и называли – Замоскворецкий замок. Про него ещё в пору расцвета слухи ходили: почему-то именно это здание полюбили потусторонние силы. Собирались в нём по ночам, а так как им, не от мира сего, делать было нечего, то и занимались тем, что поколачивали, да постукивали монетками.

– Силы? Монетками? – переспросил Гай. Кажется, он опять начинал бояться.

– Ну да, – подтвердила Мирра, – колотили они свои загробные монетки так, что стук разносился по всему Замоскворечью. А потом Денежный двор снесли, но не по причине нечистой силы, а просто по выслуге лет и общей обветшалости. И вот все сущности, находившие там приют по ночам, остались бездомными. В небогатые дома избалованная нечистая сила Денежного двора переселяться не хотела, так и мёрзла на улицах, отнимала у запоздавших ночных прохожих монеты. Ну, или украшения драгоценные. Какую-нибудь там бижутерию, пусть и дорогую – ни-ни. Хоть тебе и Сваровски со своими стразами... Знали толк.

На кухне обнаружился уютный плюшевый диванчик, на который Мирра показала Гаю рукой, приглашая садиться. Наливая Гаю в чашку кипятка из пузатого старинного самовара, что стоял на круглом большом столе у дивана, она продолжала рассказывать:

– А потом говорили, что нечисть денежная поселилась вся скопом у какого-то заезжего купца, воротили уральского бизнеса. У кого именно – сказать сложно, у нас здесь в Замоскворечье столько этих купцов проживало, что всех не вспомнишь. Так вот. Купец строгим оказался, приструнил этих балбесов. Ну, или этот балбесов. Короче, что-то он такое придумал, что отучил шляться по ночам, бедокурить, украшения у людей отнимать. А только сидели они у него смиренно, как миленькие, и только катали по подвалу монетки. Правда, слышно это было далеко-далеко по всему району...

Она замолчала, подвинула к Гаю пиалу с вареньем. Пахло малиной.

– А что сейчас? – выдержав паузу, спросил Гай.

– Скажи спасибо, что нечисть тоже стареет, – загадочно ответила Мирра. – Утратила она былой кураж, да...

Тёмыч сильно сник лицом и фигурой с того времени, когда они с Никитой виделись последний раз. Он словно ссыхался внутрь самого себя, внезапно захваченный и съедаемый временем. Званцев покачал головой:

– Ну, вы, ребята даёте!

– А что? Что такое?

Тёмыч поднял на Кита острый кончик носа, которым он секунду назад водил над землёй, словно обнюхивал пожухлую траву, близоруко шурясь.

– Вас словно прибывает провинциальной пылью, – непривычно художественно выразил свои мысли Кит. Видно, его и в самом деле очень задевал внешний вид и внутренний настрой бывших одноклассников. – Становитесь старичками сразу после выпускного. Девочки – рожать и превращаться в тёток, мальчики – спиваться и стареть. Здесь словно время по-другому отчитывается. Воздух что ли такой? Год за десять...

Тёмыч втянул в себя придорожную пыль, кончик носа смешно задёргался.

– Воздух, как воздух, – обиженно произнёс он. – Травы пахнут. Первозданной природой. Получше, чем у вас в столице. Уютнее.

Слово «столица» Тёмыч произнёс как-то издевательски. С недостаточным для коренного жителя Нижнестранновска почтением. Обычно Тёмыч смотрел на Кита с обожанием. Сейчас он, видимо, серьёзно обиделся:

– Ты же всё-таки здесь родился. Знаешь, Никита, и некоторые любят этот город. Я, например...

Кит не имел в виду ничего обидного. Он удивился:

– Так разве я против любви? Как раз против старости. А у вас тут не любовь, а какая-то... порнуха.

Он опять принялся внимательно осматривать тропинку между зарослями крапивы.

– Ничего здесь нет, – с плохо скрываемой досадой произнёс Тёмыч. – Мои работники тут уже много раз туда-сюда ходили...

– Гай сказал, что он вскрыл эту твою посылку где-то по пути со склада. Хотя бы обрывок бумаги должен был остаться.

– Но ты же видишь, что ничего нет? Может, сам дальше посмотришь?

Тёмыч кивнул на заросли крапивы.

– Кит, пожалуйста, отпусти меня, а? Дел ещё целая адская прорва.

Кит хмуро кивнул, и Тёмыч тут же развернулся в сторону центрального здания Покатаюшки.

– А я потом, как управлюсь...

Он явно чувствовал себя виноватым, но с радостью поспешил прочь от места, которое так его пугало. Кит посмотрел ему вслед:

– Это ты, Тёмыч, ещё не знаешь ничего про адскую прорву...

Произнёс тихо, и подтянул к локтю большие хозяйственные рукавицы, предусмотрительно изъятые у начальственного Тёмыча. Нил лениво дремал, пока они были не одни, но как только бывший одноклассник сбежал с места происшествия, он поднял голову, потянулся и похлопал Кита по спине.

– Это точно здесь началось. Я чую. Нужно искать...

– А ты не мог с Покачаем пообщаться? Чтобы мы зря тут колени и локти не обдирали в поисках непонятно чего?

– Ты же знаешь, что с бесами у меня нет контакта. Если бы он хотя бы наполовину...

– Совсем нет?

– Совсем, – отрезал Нил. – Полный бес. Без вариантов. Ты бы лучше со своим другом-нытиком подробнее перетёр.

– Он испугался очень тогда, впал в панику, ты же видел. Совершенно бесполезный, ничего толком не помнит. Да и не хочу я, чтобы он знал. Может, обойдётся?

Нил сжал его руку в кулак и легко ударил несколько раз по щеке.

– С его-то проклятием? Не обойдётся. Явно это он натворил. Хотя сам и не подозревает. Я его убью. Тупой хлюпик.

– Нил, он всё-таки был моим другом... Чёрт, ты видишь?

Там трепыхался обрывок газеты, зацепившись за мясистый стебель крапивы. Явно очень старый, даже можно сказать старинный, выглядывал этот клочок из самого центра зарослей жгучей травы.

– Вижу, – сказал Нил, и глаза его полоснули светлым серебром. – Это оно.

– Пойдём подбирать? – без энтузиазма поинтересовался у брата Кит.

– Ага, – сказал Нил, – тебе необходимо это сделать.

И он быстро нырнул в самую глубину их совместного тела, куда не проберутся ожоги крапивы.

– Если что-то потерял, нужно подарить это Надежде Павловне.

Так сказала Мирра.

– Выучи это, как «Отче наш».

– Какой Надежде Павловне? – вполне логично удивился Гай.

– Так Кохановой же, какой ещё? Ты знаешь ещё какую-то Надежду Павловну?

Гай покачал головой. Он не знал. Где-то совсем рядом, казалось, за тонкой кухонной стенкой катались серебряные монетки звонким перестуком. Гай уже не вздрагивал от этого то удаляющегося, то приближающегося капельного звона. Ему даже становилось жалко стареющую бездомную нечисть.

– Э-эх, балбес, – с чувством произнесла Мирра. – И как мне тебя за такой короткий промежуток времени натаскать по основному предмету? Ладно, Аристарх принял тебя почему-то, придётся постараться...

Гай собирался задать вопрос, но она отмахнулась от невысказанного изумления, как от надоедливой мухи.

– Просто громко скажи: «Дарю Надежде Павловне Кохановой». И всё.

– Так что «всё»?

– Пропажа вернётся.

– А если это человек?

Мирра задумалась.

– Наверное, найдётся. Честно говоря, я не слышала, чтобы кто-то так людей искал...

Она вдруг утробно захохотала, от души, так что заколыхались массивные бока под халатом, неожиданно пихнула Гая под рёбра крепким кулаком:

– Ну ты и даёшь... Через Коханову человекa искать...

Гай взвыл, так как удар пришёлся как раз на то самое место, где после вчерашнего расплывался багровый синяк. Они сидели всё за тем же круглым кухонным столом, и Мирра уже битый час несла какую-то ахиною, старательно втолковывая ему непонятные приметы и рассказывая старые, всеми забытые легенды, вроде той самой, о брякающих серебром монетчиках. Когда Гаю становилось совершенно сонно, он начинал клевать носом или неудержимо зевать, Мирра толкала его кулаком всё в один и тот же бок и заставляла повторять за ней близко к тексту.

Наконец Гай просто взмолился:

– Если... Домой бы мне...

– Пока основы не узнаешь, не будет тебе тут дома. Без основ нигде тебе дома не будет. Многие, очень многие приезжали, а сутью, душой города не интересовались, внешним блеском пленились, всю силу по ветру пустили. Так и пропали.

– И что? – проворчал Гай. – Душа города – это бесы, домовые и эти... Монетчики? Сказки! Старые сказки.

– Ой ли? – Мирра посмотрела на него насмешливо. – А как удача от человека отворачивается, куда он идёт?

– В церковь? – предположил Гай, вспомнив, что они встретились с Миррой под стенами монастыря.

Она встала грузно, заколыхалась в рассеянном лунном свете, крадущемся из окна.

– Кто – в церковь, а кто и к чёрту на Кулишки. Я тебе такую вещь скажу. Здесь всё переплетено старыми связями. Древними нитями. Кто свят, а кто проклят, разобраться сразу трудно. А человеку и невозможно, наверное. Они...

Женщина обвела вокруг себя рукой, будто здесь, в этой кухне толпился сонм всевозможных, но невидимых существ.

– Они сами между собой разберутся. Твоя задача – понять своё место в этом невероятном хитросплетении судеб и событий. Найти своё предназначение – это главное для мужчины. Душу научись открывать, а когда сможешь – вникай, запоминай, чувствуй. И не бойся. Ничего не бойся. Судьба трусости не прощает.

Гаю стало томительно и скучно.

– Я трус, наверное, окончательный и бесповоротный, – вздохнул он. – И самое печальное, что мне за это не стыдно. Да, я попал сейчас в дурацкий переплёт, но единственное, о чём мечтаю – это чтобы всё это закончилось без моего участия. Само собой. А лучше, чтобы ничего этого не было...

– И чего это Аристарх тебя так выделил? – Мирра опять очень внимательно посмотрела на него. Потом разочарованно покачала головой. – Зачем тебе душу открывать? Ты весь какой-то... пластилиновый. В смысле, плависься и мнётся.

– Да я и сам-то откуда знаю? – Гай разозлился. – Оставили бы вы меня все в покое, если не можете помочь ничем. Вот вы... Вы же вроде гадалки, да? Ну, или прорицательницы.

Мирра кивнула:

– Конечно, очень приблизительно, но, если тебе так понятней, пусть будет так. Хотя... Гадалка же должна предсказывать судьбу? С картами там, при свечах, с каким-нибудь черепом наперевес. Нет...

Она засмеялась.

– Нет, нет, нет. Я просто управник.

– Управник?

– Управник – репетитор. Натаскиваю тех, кого духи города избрали на жизнь в этом месте.

– И много таких?

– Ты удивишься, но... нет. В основном, живут нелегально, не принятые духами, не чувствующие места. Иногда даже те, кто родился здесь. Прописка официальная есть, а вот понятия нет. А если понятия нет, то какая жизнь? Так, времяпровождение. От забора до обеда.

Мирра произнесла эту плоскую армейскую шутку и не удержалась, захохотала сама себе, опять вся волнами пошла.

– Сами шутим, сами смеёмся, – пробормотал Гай.

Мирра сделала вид, что не слышала. А, может, и в самом деле не слышала. Отсмеявшись, она схватила льняную большую салфетку со стола, вытерла лоб, вспотевший от усилий.

– Уф, рассмешил, прямо вся взопрела... А вот для тех, кого они избрали, обратного пути нет. Так-то, болезный ты мой...

– И что это значит? Нет, не то, что я болезный, хотя и это совсем не так, а что значит это заявление об обратном пути, которого нет?

– Тянуть будет, куда бы судьба не забросила. И лучше где-то может быть, и сытнее, и тот, кто любовь свою в другом краю найдёт, а всё равно – тоска по этому месту душу выкрутит. А, может, кто и сбежать захочет, а только духи на крови привязывают, так покоя никогда человеку этому не будет. Кровь тянуть станет, венами в реку эту великую рваться начнёт, как олово горячее лимфа вскипать будет. Если не сам, так дети или внуки сюда рваться станут. Такая вот тоска жуткая – на крови.

– А меня-то почему?

Мирра, которая тут же стала серьёзной, словно и не хохотала минуту назад, поджала губы:

– Так ведь кровь! Кровь в тебе... Что-то пенится в ней, точно сказать не могу, но сгусток этот кажется тёмным, старым. И это у тебя на крови запечатано. Всё равно рвануло бы рано или поздно. Это проклятие... Было бы обыкновенное, тёмное проклятие, я бы сняла, а то оно у тебя странное, с подвывертом. Видишь, нашло тебя, заставило на какой-то спусковой крючок нажать и бомбануло.

Женщина внимательно посмотрела, словно пробуравила Гая пронзительным взглядом.

– Больше не вижу. Нет, нет, и не спрашивай. Ничего больше сказать не могу. И хотела бы, да только скрыто... Эх, милый. Я же – теоретик, сама между мирами не хожу. Нормальный человек, историю КПСС в одном агротехникуме преподавала. Просто очень много знаю и помню из истории города. По юности увлекалась мифами и легендами, собирала их, книжку написать хотела. Ничего так и не написала, а вот знания мои пригодились. Аристарх меня нашёл как-то, уже на пенсии, людей стал подсылать, которые для духа города нужны были, приплачивал за то, что я им легенды рассказывала. И этикет наш особый прививала.

Гай немного испугался. Не то, чтобы он так сразу взял и поверил, что кто-то навёл на него порчу, да ничего о порче Мирра и не говорила, но вот то, что всю жизнь, сколько он себя помнил, какая-то непонятная тоска его душу разъедала, это точно. Ни радоваться Гай никогда, как следует, не умел, ни веселиться. И дружбу поэтому всё водил с такими же чудиками. Вот с Тёмычем, например. Самым ценным человеком, абсолютной его противоположностью казался Кит, и Гаевский таскался за ним по пятам всё отрочество. Тогда ещё понимал, что Кит тяготится его вечным преследованием, и старается, как воспитанный мальчик из приличной семьи, не обидев, улизнуть при каждом удобном случае. Но ничего не мог с собой поделывать, тянуло Гая к Киту как магнитом, и надоедал он Званцеву по сию пору.

Он тут же вспомнил покойного отца. Потому что эта вечная прибабахнутая грусть передавалась ему по наследству. Отец тоже был странный. И мама ушла от них, как тогда казалось, из-за этого. «Малохолные», – так сказала, собрала вещи и уехала. Отец только вздохнул, руками всплеснул и ушёл в свой кабинет. Закрылся, несколько дней так и просидел. Это потом выяснилось, что она отправилась в хоспис, рак у неё обнаружили, последнюю стадию, а она ничего не говорила, и не хотела, чтобы они знали и видели, как она умирает.

А тогда маленький Гай просыпался по ночам в слезах, ему снилось это жуткое слово «малохолные». Будто они с отцом плавают в огромной закрытой банке, вода вокруг них солёная и острая, пахнет пронзительно уксусом. Гай пытается спросить отца, что они тут делают и как выбраться из этой банки, но в открывшийся рот начинает заливаться рассол, и Гай чувствует, что задыхается.

Отец смотрит на него беззвучно сквозь запотевшие очки, его глаза за стёклами с усиленными диоптриями не выражают ровным счётом абсолютно ничего, он только плавно и замедленно поднимает руку вверх и направляет указательный палец в сторону плотно закатанной крышки. Гай понимает, что выбраться не удастся, он обречённо складывает руки на груди и начинает безвольно опускаться на дно. Сверху спускается зонтик укропа, гигантский, он может закрыть своим соцветием половину самого Гая. Зонтик угрожающе надвигается, ещё мгновение – и похоронит под собой опускающегося на дно Гая, но тут он всегда просыпается, и чувствует, что солёные слёзы, которые бегут по его лицу, чуть отдают маринадом.

– Что с тобой? – испуганно спросила Мирра, и Гай понял, что, погрузившись в воспоминания, уже несколько минут сидит беззвучно, а лицо его позорно солёное от слёз.

– Ну так, чего ты? – Мирра, оказывается, подошла к нему совсем близко, большой мягкой ладонью стала вытирать слёзы, приговаривая, курлыкая, как над маленьким ребёнком:

– Господи, вот же накрывает тебя...

Мирра задумалась.

– Эх, – сказала она как-то очень протяжно. – Тебе бы подземную тройку сыскать. Она бы тебя точно на верный путь вывела. Только...

Она с ног до головы оглядела Гая, словно впервые увидела. Он даже засмутился от этого взгляда, заёрзал на табуретке. Мирра горестно вздохнула и покачала головой:

– Только ты не сможешь её в руках удержать. И не такие фартовые пытались... Ты же рохля, мямля, к тебе, сколько удача сама ни липни, всё одно – из рук выпустишь, провалом обернёшь. А то и чем хуже... Нет, тебе нельзя тройку. Только хуже будет.

Гай немного обиделся на мямлю и рохлю, только совсем немного. Ему вдруг стало интересно, проснулся азарт, как в тот раз, когда он вскрыл посылку из прошлого во дворе бывшего ямщицкого подворья.

– Что это вообще за тройка такая? – спросил он Мирру, облизывая вдруг сразу высохшие от волнения губы.

– Туз, король, валет, – задумчиво произнесла Мирра. – Это со времён Ваньки Каина пошло... Ваньку-то Каина ты хоть знаешь, бестолочь?

Гай стыдливо покачал головой.

– Он всю Москву в кулаке держал, – неожиданно ласково произнесла Мирра. – И бандитскую, и законную. Ну, и тайные игорные дома, куда без этого? Много их таких, с месяцем над срубом колодца по столице бытовало. Про месяц тоже не знаешь?

Гай не знал.

– Означало это, что в доме, в подземелье или в подвале, игра идёт. И тайный ход есть на случай облавы. Два века уже среди местных воров бытует примета: если попадётся в подземелье Москвы «туз, король, валет», эта «подземельная тройка» обязательно выведет нашедшего к удаче. Последний раз я сама слышала: в конце прошлого века, тогда ещё Брежнев при власти крепко сидел...

Она прервалась и подозрительно посмотрела на Гая:

– Может, ты, малахолный, и Брежнева не знаешь?

Брежнева Гай знал, Мирра успокоилась и продолжала дальше:

– Так вот, в начале семидесятых годов прошлого века говорят, был один человек, что нашёл в подвале под Сретенкой туза, короля, валета. Старые карты, как говорят. И везти ему в игре начало – чтоб нам всем такой фарт шёл.

Она замолчала, улыбаясь сама в себе мечтательной, сентиментальной улыбкой, словно вспоминала что-то своё, довольно приятное. Гай подождал немного, не смея нарушать счастливые воспоминания, затем робко спросил:

– И?

– Что – и? – встрепенулась Мирра точно после сна.

В окно заглянула круглая, сочная луна, протиснувшись в щёлку между плотными шторами, словно хотела послушать, что же там, в этой истории намечается дальше. Но Мирра цыкнула на неё, и луна испуганно спряталась.

– Дальше-то что? С тем, кто подземную тройку нашёл? —спросил опять Гай.

– Его тоже потом нашли. В канаве. С перерезанным горлом. А в зубах – эти самые туз, король, валет...

– Вот же! – огорчился за незнакомого ему «счастливчика» Гай.

– И я о том же, – вздохнула Мирра. – Ни к чему тебе этот фарт. Для него рука сильная требуется. Ты не удержишь. К ваганькам тоже не суйся. Лучше Надежду Павловну попроси.

– А откуда вы про это знаете? – спросил Гай. – Про то, что ему того... горло перерезали?

– Так то ж прадед мой был, – вздохнула Мирра. – Семейная легенда...

Пустынные переулки, соединяющие извилистыми путями ветхие дворики, в сумерках выглядели таинственными, открывая Гаю свою другую, оборотную сущность, не заметную при дневном свете. Он специально не стал сворачивать на людные улицы, где человеческий поток мельтешит в свете огней. Спутанные дебри изнанки цивилизации, ликующей по ту сторону пути, освещались луной и иногда – редко и робко одиноким светом двух-трёх окошек, теплящимся в домах, мимо которых он проходил. Настроение было под стать этой ни к чему не обязывающей прогулке. Гай жмурился на ходу от какого-то ему самому непонятного удовольствия, и уже не замечал, что бормочет себе под нос вслух и довольно громко:

– Сказать «Дарю Надежде Павловне Кохановой»? Господи, как я могу совершенно неизвестную мне девушку подарить какой-то Надежде Павловне? И кто такая эта Коханова, объясните мне, если сможете...

Он даже не заметил их сначала. Поднял глаза, только когда услышал:

– А он и правда не в себе, кажется... Вот олень!

Глава восьмая. Вечер под знаком чёрных лагиров

Они преградили дорогу. Один постарше, с аккуратной стрижкой, но уже седыми висками, и с ним – двое. Ещё совсем салаги, из тех, которые на подхвате просто выполняют заданную работу, не интересуясь, что и зачем они делают. Выражение глаз у всех троих было абсолютно одинаковое – скучное, тупое, никакое, и это делало их похожими, словно все трое – родные братья. В Гае сразу включился сигнал «опасность», он понял, что стоят они тут, лениво переминаясь с ноги на ногу, по его душу.

И тут же тот, который постарше (Гай про себя моментально начал называть его «дядькой»), вздохнул угрюмо и даже как-то отдалённо сочувственно.

– И что ты думал, Гаевский, пацаны тебя не найдут?

Голос дядьки интонацией сразу напомнил тот, телефонный. Гай отвечать не собирался, тем паче – вступать в дискуссию. Он просто развернулся и побежал. Ни о чём не думая, даже не оглядываясь, уверенный, что за ним пустилась погоня. В тишине и сонном запустении виляющих переулков раздавались только тяжёлые шаги бегущих, и эхом несло между плотно застроенными домами отголоски прерывистого дыхания. Все молчали, экономя силы.

Хлынул ливень. Внезапно, без предупреждения. Улица мгновенно опустела. В одну минуту исчезли весёлые гуляющие, на столиках уличных кафешек вода заливала недопитые кружки с пивом и бокалы с вином, лёгкие пластиковые стулья опрокинулись в спешке. Над всем этим безобразием вдруг перекинулось белое молоко – лунная радуга, невозможная в городе. И тут же приоткрылась дверь в одном из старых длинных домов, что кишели плотно всевозможными конторами. Там кто-то, смутно очерченный в пелене дождя, поманил Гая. Он рванулся к приоткрывшейся двери и уже на последнем вдохе влетел в дом.

Гай бывал здесь раньше. На первом этаже покупал сигареты в небольшом ларёчке, а на втором, в тесном закутке, готовили вкусную шаурму. В этой уютной двухэтажной норе, вместившей в себя множество всяких разных организаций, где-то рядом с шаурмичной за закрытыми дверями располагались даже закрытый ночной клуб и букмекерская контора.

Но теперь весь первый этаж занимала гардеробная. На рогах вешалок – витиеватых, похожих на огромные старинные канделябры, висели тёмные, длинные плащи какого-то древнего покроя, некоторые, кажется, даже с пыльными пелеринами.

Дверь захлопнулась от сквозняка, и на Гая разом опустилось облако совершенно инородных запахов. Нездешнего табака, незнакомого парфюма, экзотической, необработанной древесины – запахи устойчивой, ежедневной, добротной роскоши. Но сквозь всё это кружащее голову непривычное великолепие тянуло тошнотворно и тревожно почему-то разлагающимися морскими водорослями. Затхлой стоячей водой.

Когда Гай немного пришёл в себя, он заметил около лестницы, ведущей на второй этаж, высокого джентльмена. Незнакомец, с улыбкой взирающий на задыхающегося парня, весь – от приглаженной чем-то блестящим старомодной, но тщательно уложенной причёски до носков сверкающих туфель – являл собой образец светского молодого человека. Правда, свет этот остался, судя по всему, где-то в далёком прошлом.

На нём прекрасно сидел отлично сшитый пиджак из светлой тонкой ткани, специально небрежно распахнутый, чтобы рассмотреть подобранный со вкусом жилет с кармашком, из которого свисала цепочка, кажется, от очень дорогих, антикварных часов. Туго накрахмаленный белоснежный пластрон венчался щегольской лентой с плоским бантом, а на брюках песочного оттенка не наблюдалось ни единой складочки. Гаю стало даже неловко за свой грязный и совершенно промокший вид. Он услышал взвизгивающий женский смех откуда-то со второго этажа, и подумал, что явно попал на какую-то приватную костюмированную вечеринку.

Забарабанили за спиной Гая в дверь, и он растерянно посмотрел на старомодного пижона. Тот указал ему рукой в светлой, плотно облегающей перчатке на лестницу, и Гай единым махом одолел все ступени, ведущие на второй этаж.

Конечно, привычной шаурмичной тут уже и в помине не было. В накуренном полумраке, где даже сквозь запах табака и хорошей мебели чувствовались сладковато-тошнотворные ноты протухшей воды, развернулся перед Гаем небольшой, но довольно вместительный зал. На зелёные плоскости бильярдных бросали приглушённый мрачно-болотный свет настенные светильники. Тут же находилось несколько ломберных столов, разложенных для игры в преферанс. Гай никогда не увлекался карточными играми, максимум, на что его могло хватить – расписать «тысячу» на щелбаны.

Несмотря на всю чопорность обстановки, никто не обратил внимания на промокшего и всклокоченного гостя. Несколько компаний таких же старомодных смокингов, как и встреченный внизу Гаем пижон, кучковались небольшими группками по два-три человека вокруг столов. Кто-то не спеша беседовал, с удовольствием развалившись на небольших диванчиках, кто-то играл в бильярд. Из темноты временами раздавался женский смех: из зала ощущались выходы в другие комнаты. «Кажется, в этом клубе джентльменов подразумевается и бордель», – подумал Гай.

Он бы, может, сообразил и что-нибудь ещё, если бы тут же внизу, вслед за хлопком закрывшейся двери не раздался шум нелепой возни. Худой брюнет, перетянутый в талии смокингом настолько, что имел вид гигантской осы, неторопливо подошёл к выходу на лестницу и приятным баритоном крикнул вниз, в крутой, узкий проём:

– Миттари, что у вас там случилось? Вы решили сбежать, чтобы не дать мне отыграться сегодняшней ночью? Стыдитесь, светский сердцеед, блестящий кавалер и страстный охотник до перезрелых вдовушек с солидными капиталами!

– Лучше! – жизнерадостно ответили снизу и уже через минуту в зале возникли обалдевшие физиономии преследовавших Гая бандитов. Всех троих подталкивал ласково в спину тот, что открыл Гаю дверь. Миттари? Так его назвал перетянутый в талии франт.

– Лучше, Подборнов, определённо лучше, – повторил блестящий кавалер и страстный охотник, все голоса сразу стихли, в комнате воцарилась внимательная, чего-то ожидающая тишина. – Кажется, у нас гости. Очень полезные гости.

Что произошло там внизу, Гай не знал, но мог предположить: случившееся не входило в разряд хороших событий, потому что преследующие его бандиты вид имели странный даже на беглый взгляд и в полумраке. Больше напоминали портновские манекены, а не людей из плоти и крови. Казалось, если сейчас Миттари их отпустит, перестанет толкать в спины, то они повалятся тряпичной кучей прямо тут на пол. «Сердцеед» хмыкнул и обнял за плечи ничего не понимающего дядьку.

– Имею честь вам представить... Это Боня. Верно?

Седой бандит словно в трансе кивнул, но тут же резко завертел головой, стараясь сбросить с себя клочья кошмара.

– Боня – мой, – продолжал довольный Миттари, – есть ещё два крючка, забирайте, кому карта ляжет.

В комнате оживились. Сначала Гай услышал довольный гул, прервавший напряжение тишины, затем каким-то образом почувствовал, что зал смотрит на него.

– Нет, – с сожалением произнёс Миттари. – На сегодня – лимит. Только трое.

Он повернулся к перепуганному Гаю и вдруг зазорно подмигнул. К живописной группе, застывшей у входа, подошёл ещё один из смокингов, невысокий, но ладный выправкой шатен. Перекатывая под ухоженной полоской усов тонкую, больше дамскую папироску, щёголь вертел в руках колоду карт. Подборнов подскочил к нему, сладострастно облизываясь на колоду, зататорил:

– Вист джентльменский, распас, выход – семерная... Не против, а?

– С вами играть? – растерянно буркнул Боня и оглянулся на своих молчаливых спутников, будто искал у них поддержки. Молодые люди же продолжали безучастно молчать. – Не вкручивай! У вас тут своя игра, третий не суйся... Бой явно колотый. Не, я – пас.

«А ведь это они, – внезапно озарило Гая, – это они напали на Лиду возле дома. Неужели караулили меня уже тогда?».

– Ну, что вы, голубчик, – даже не проговорил, а как-то ласково зажурчал Миттари. – Неужели вы подозреваете Поля?! Подозреваете в ...

Он кивнул на щёголя с папироской, который тут же принял вид благородный и оскорблённый.

– Нас подозреваете в нечестной игре? – уже не спрашивал, а вопрошал Миттари. — Отпрысков благородных семейств? А, кроме того, разве вы не понимаете, что игра в преферанс есть по преимуществу игра философская? Победить самого себя, чтобы победить противников и поворотить к себе счастье.

Он так и сказал «поворотить», но звучало это на удивление уместно в этой ситуации.

– Дух побеждает дух и укрощает материю. Это рок, фатум, магия. Разговор с высшими силами, тонкими слоями пространства.

Миттари опять приобнял совершенно ошарашенного Боню за плечи:

– Воля ваша, а только мне видится, что удача ныне не очень благосклонна к вам. Неужто не хотите её вернуть?

Боня, заворожённый его словами-присказками, позволил увлечь себя к одному из ломберных столов, который весь, за исключением зелёного сукна на столешнице, был покрыт светлым серебром. Сосредоточенные бодигарды последовали за ним. В комнате вдруг установилось внимательное напряжение, хотя остальные присутствующие продолжали заниматься своими делами. У стола, где сгущалось предчувствие большой игры, появился Поль с неизменной папироской, в руках его непонятно откуда, будто сама собой возникла деревянная шкатулка для карт.

– Новой вистуем, – убеждённо произнёс он, – не извольте сомневаться.

Поль откинул красно-коричневую крышку с изображением четырёх карточных королей, внутри шкатулки обнаружилась нераспечатанная, с виду абсолютно новая колода, торжественно возлежащая на бархатной обивке густого бордового цвета. Поль протянул шкатулку Боне.

– Милости прошу, вскройте колоду. Своими собственными руками.

Голос его показался Гаю очень знакомым. Интонации другие, но сам тембр... Гай мысленно накинул на Поля большой чёрный плащ. В темноте на выходе из арки, суе и с перепугу не мудрено, конечно, что он толком и не расслышал, и не запомнил... Но всё-таки...

Боня ещё пытался вяло сопротивляться, бормотал что-то про упаковку, которую подделывать совсем не трудно, и он сам очень даже может это сделать, и играть в этой компании фриков ему совершенно нет никакого смысла, и дело у него есть к Гаю, важное дело, пусть их отпустят, а потом разберёмся...

Только все понимали, что напор повес уже сломил его, а парни, маячившие двумя тупыми тенями за его спиной, и вовсе двигались, словно в трансе, совершенно выбитые из колеи. Боня взял колоду из шкатулки и вскрыл её с очень недовольным и даже где-то брезгливым выражением на лице. Но руки его, предчувствующие игру, уже мелко и азартно дрожали.

– Всё равно сменку кинете, – только что и проворчал.

Чёрные смокинги переглянулись и стали подтягиваться потихоньку к разгорающемуся зрелищу.

– Вот и славно, – почему-то облизнулся Миттари, и Гаю показалось, что приятельская улыбка на его лице превратилась на секунду в хищный оскал. – Садитесь, голубчик, сначала по маленькой приступим.

– Куш не могу, – сообщил Боня, разваливаясь по богатому сукну эстетского кресла на крепких, витиеватых ножках «под старину». – Я не фартовый сейчас. Лимонить не собираюсь. Вот за него ещё даже аванс не получил.

Он кивнул на тут же вжавшегося в угол Гая.

– А так мы не деньги играем, – улыбнулся Поль, закатив свою нескончаемую папироску в угол рта. Может, от этого улыбка получилась кривоватой, зловещей, но, кажется, кроме Гая, никто не замечал этих странных и даже опасных знаков. Боня насторожился не на выражение лица Поля, а на его слова.

– А что тогда? Тут у вас явно не на фантики от конфет и не на колбашки игра идёт, – преследователь Гая махнул рукой на серебряный и золотой столы для преферанса.

– На интерес, голубчик, на интерес, – добродушно и радостно воскликнул Миттари. – У вас – свой интерес, у нас – свой.

– И что это за «твой-мой» интерес? Сразу говорю, на четыре косточки не сдаю.

– О чём вы, сударь? Не извольте беспокоиться, в накладе не останетесь. Слово дворянина.

Гай сделал шаг в сторону лестницы, полагая, что может идти, но вдруг странное любопытство овладело им настолько, что решил, что пусть лучше умрёт, чем не узнает, как же эта история закончилась. Он потихоньку проскользнул к одному из освободившихся диванчиков.

Поль уже нетерпеливо провёл рукой по столу, словно очищая его для игры. С этим движением изящного красавца опять опустилось равнодушие на чуть было востроившегося Боню.

Старшую масть сняли, и игра началась. Гай потихоньку расслабился, несколько раз зевнул и с удивлением осознал, что он уже скучает, погружаясь в эту бесконечную и однообразную тягомотину преферансной пульки.

Расписали на Боню, Поля, Миттари и ещё одного фрика во фраке с сухим, постным, ничего не выражающим лицом. Остальные звали его по фамилии – Ларин, неизменно добавляя к ней уважительное «нотариус». В отличие от остальной, довольно шумной компании, он говорил мало, но основательно, и так уж сложилось, что апеллировали во время игры именно к нему.

Даже странный, заторможенный дядька Боня проникся общим настроением, и иногда поднимал обесцвеченные отсутствием мысли глаза от карточного стола, смотрел на этого сухого Ларина и бормотал что-то вроде: «Господа, позвольте эту сдачу не считать». Но Ларин поджимал губы, от жеста этого малозаметного, но весомого становилось понятно, что всё идёт правильно, и сомнения Бони по природе своей пусты и безосновательны. Боня успокаивался, уходил в себя, только пожёвывал всё в том же сонном трансе уже опухшие губы.

Девять раз он выиграл, не обнаруживая ни малейшего восторга по этому поводу. «Если они хотят его развести, – подумал Гай, – им вовсе не стоит прилагать таких усилий, поддаваясь, чтобы завлечь его в игру. Он и так готов уже сделать всё, что ему скажут».

Миттари продолжал метать.

– Даю карту!

Гай смотрел на него с недоумением. Даже он понимал, что проигрыш уже почти верный. В зале клубилось рассеянное напряжение, вместе с ним усиливался запах болотной гнили. Гаю казалось, что он уже насквозь пропитывает его подсохшую одежду, врастает в кожу. У присутствующих бледнели лица, дрожали руки, вытягивались пальцы, словно каждый хотел схватить карты со стола.

Только игроки оставались спокойны, Миттари метал с каким-то даже мальчишеским озорством, лицо нотариуса Ларина казалось по-прежнему бесстрастным. Поль не замечал, что папироска уже давно потухла, он жевал губами набитую табаком бумагу, чуть прихватывая

край стола тонкими пальцами в шёлковой перчатке. Массивные серебряные перстни на ней блестели, когда попадали в тусклые пятна светильников.

– Даю карту!

Это уже тихо сказал Боня. Под общий вздох игроки открыли карты. Зал взорвался неслышным восторгом. Банк был сорван. Поль вздохнул и устало, как насытившийся клоп, отвалился от стола. Подборнов уже совершенно естественно схватился за голову и тяжело упал в кресло. Нотариус Ларин с величавым достоинством провёл рукою по лбу и спокойно-небрежным голосом сказал:

– Ну, теперь выпьем красного вина, и пойдём уже потихоньку...

– Под горочку со свистом? – мелко захихикал вдруг засуетившийся Подборнов.

Боня, который словно на секунду вышел из гипнотического транса, встрепенулся и как-то жалобно запротестовал:

– Подайте карты, мне нужно осмотреть колоду...

– Голубчик, да на кой вам её сто раз разглядывать, – пожал плечами Миттари, с удовольствием касаясь перчаткой края изящного бокала, где переливалось зловеще рубинового цвета вино. В волнении азарта никто не заметил, как появились бокалы с вином, они возникли как будто из пустоты у каждого из присутствующих. Гай смутно помнил, что тонкую длинную ножку ему сунул в ладонь кто-то из безымянных и тихих, словно тени.

– За жизнь! – торжественно провозгласил Миттари, поднимая рубиновый бокал, и все, кто находился в зале (кроме Гая, Бони и бодигардов), хором и проникновенно повторили:

– За жизнь!

– За вечную жизнь!

И все опять зловещим хором, клубком змей, шипя «ш-ш-и-и-знь», повторили:

– За вечную жизнь!

Гай решил, что лучше он это пить не будет. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что всё внимание приковано к его бывшим преследователям, чуть коснулся губами края бокала и незаметно опустил его под кресло. Боня же, хоть тост и не поддержал, вино-таки выпил. До дна и, кажется, с удовольствием. Гай подумал, что бандит этот либо недостаточно благоразумен, либо в нём совершенно подавлены базовые инстинкты выживания.

– А теперь пора нам, пора, – Поль потирал руки суетливо и таким странным «вытирающим» движением, будто они у него были мокрые. – Ливень скоро кончится, господа.

– Не-е-е пойду, – вдруг пришёл в себя Боня. Он намертво встал посередине зала, врасая ногами в мягкий ковёр и протягивая руки к своим двум поделникам.

– Ну, что же вы, миленькие, – голосом ласковым, от которого пробирала дрожь, и в смертельном ужасе цепенело тело, произнёс уважаемый нотариус Ларин. – Вы же порядочные люди, честно проиграли, извольте по долгам платить.

Боню и двух его молодчиков окружили чёрные смокинги. К ним жадно тянулись руки, норовящие прикоснуться, потрогать, ощутить. Окружающие плотоядно облизывали бледные губы и уже не могли сдерживать счастливый каркающий смех, словно они долго мечтали о чём-то, и мечта вот-вот должна была осуществиться. Боня от этих касаний опять сник, решимость утратил и только нервно вздрагивал, когда ощущал одно из этих прикосновений.

Смокинги, мягко подталкивая проигравшихся, потянулись к выходу. Внезапно размеренный гул расходящихся с вечеринки гостей прорезал пронзительный женский крик:

– Но как же так?! – в нём звучала такая горькая безнадёжность, что Гай всем своим существом рванулся навстречу. Почему-то никто, кроме него, даже не оглянулся.

Из-за будуарной портьеры, элегантно прикрывающей вход в комнату, стремительно, словно распрямившаяся на лету пружина, выскочила молодая женщина. В таком же старомодном, как и смокинги, наряде. Бледно-зелёное платье – длинная юбка колоколом, затянутая в корсет талия, «фонарики», собранные в верхней части рукавов. Причёска у дамы или, скорее,

барышни была высокая, но вся какая-то растрёпанная. Особенно помятый и неухоженный вид ей придавали локоны, которые выбились на густую вуаль, полностью скрывающую лицо.

Барышня одной рукой поддерживала подол длинного платья, другую тянула в сторону уходящих, пытаясь таким образом кого-то остановить. Кажется, она пребывала скорее в невероятном отчаянье, чем пьяна. Непонятно от чего её сильнее шатало – то ли от алкоголя, то ли от того невыносимого горя, что физически выбивает у человека почву из ног.

– Поль, как же теперь я? – закричала барышня ещё громче, но Поль, уже скрывшийся из вида, ничего ей не ответил, зато подал голос уже невидимый где-то на пути к первому этажу светский щеголь.

– Фанни, – радостно закричал он, – ищи свой путь, Фанни. Выбирайся за рамки своей картины. Как видишь, у меня получилось разомкнуть круг.

Она резко остановилась и выкрикнула сильно, словно проклятье, вложила в эти слова всё, что клокотало у неё в душе:

– Вы подлец, Миттари!

– Такова жизнь, мон шерр, – донеслось, удаляясь вниз, и вслед этой фразе прокатился смех. – Каждый банкет сам по себе. Кому-то – в вечность, кому-то – в лярвы. И пей, пожалуйста, поменьше вина!

Бледно-зелёное платье чахлым сорванным цветком опускалось на пол – медленно, как в замедленной съёмке. Гай, чувствуя, как жалостью сжимается сердце, ринулся помочь оседавшей тихим лепестком только что, судя по всему, брошенной даме. Он подхватил её невесомое тело, на него резко повеяло уже знакомым букетом. Душу Гая коснулось упоительной свежестью. Сквозь болотную затхлость, пропитавшую весь изящный зал, донеслось слабое ощущение сладковато-терпкой древесины, экзотических специй с чуть уловимой, кружащей голову ноткой ванили. Так пахла... Лида.

– Ваш запах, – по-дурацки прошептал он обмякшей в его руках незнакомой и, кажется, не очень приличной барышне. – Что за запах...

– Тривемуа, – прошептала она, – Найди меня...

И без чувств закатила глаза. Гай подумал, что нужно вызвать Скорую помощь и одновременно решил, что он идиот, и никакую Скорую сюда не вызовет.

– Не извольте беспокоиться, – из его рук невесомое платье перехватил кто-то из суетящихся тут же незаметных людей. – Фанни, они всегда так. Впечатлительные больно. Никак не привыкнут.

Гай хотел было спросить, к чему какие-то они никак не привыкнут, но тут услышал своё имя: в гуле расходящейся толпы явно прозвучало зовущее «Гаевский!», и кто-то махнул ему рукой. Тут же забыв о брошенной цветке Фанни, он ринулся в гущу до сих непонятных ему событий.

Уже оказавшись на середине лестницы, Гай услышал, как сверху, прорвавшись за компанией в раскрытую дверь, долетел приглушенный крик:

– Будь ты проклят, Поль, и в этом мире, и в том! Будь ты проклят, чёрный лагир!

Глава девятая. Каждый охотник желает знать

– Сольфеджио сегодня в триста второй?

Мимо стремительно пронеслась девочка в ядовито-зелёном, вытянутом свитере. Густая чёлка, закрывающая один глаз, взлетала от бега и снова опускалась на лицо. Скрипичный футляр бил девочку по коленкам, блестящим в джинсовых прорехах, явно мешая ей лететь по узкому тёмному коридору со сверхзвуковой скоростью. Девочка была тёплой, упругой, настоящей. Это не призрак, Кит сразу понял. Нил в нём молчал, не подавая ни единого сигнала беспокойства.

Через мгновение она, так и не выслушав ответа на свой вопрос, исчезла, и Кит остался в коридоре один, сжимаемый какофонией звуков, доносившихся не в лад и в разнобой из замкнутых на себе кабинетов.

Никита Званцев знал, что нужно возвращаться, музыкальный хаос вокруг кричал о том, что он теперь здесь совершенно чужой, что всё давно прошло, но с непонятной любопытной жадностью бродил по знакомым до боли коридорам. Словно он сам стал призраком, одним из тех, на которых охотился. Триста вторая... Он вздрогнул, вспомнив. Тогда... Это началось в триста второй. Класс сольфеджио ютился на третьем этаже, и он явно помнил, как из окна было видно только серое, распластанное небо.

Нижнестранновск. Десять лет назад

Диктант был не самым лёгким – двухголосный, второй квартет Брамса. Но это все равно не оправдывало то, что Кит завалил его. Сольфеджио не входило в список любимых предметов, но изначальной гениальности Никите Званцеву не хватало, поэтому он относился к нему, как к возможности развить музыкальный слух. Честно говоря, у него вообще не наблюдалось никаких особых талантов. Просто хотелось играть в группе и сочинять песни. Нравился сам процесс, хотя, конечно, на периферии сознания приятным бонусом маячили известность, деньги и толпы поклонниц. В любые времена людям нужна музыка. Поэтому Никита настойчиво шёл к своей цели всеми доступными способами.

Этот диктант он явно завалил. Случилось что-то вроде помутнения, в котором Кит совсем не понимал ноты. Словно никогда не знал их. Обычно звучание окрашивалось в семь цветов радуги. Он слышал цвет нот и видел мелодию. Почему-то именно так, наоборот. Когда Никите становилось тоскливо или страшно, он пропевал свою собственную гамму: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Красный – «до», оранжевый – «ре». Фиолетовый – «си». Вот так он пел – и вслух, и про себя – когда ему становилось неудобно.

Сегодня ноты вдруг стали абсолютно бесцветными и ужасно раздражали. «Зачем я вообще занимаюсь этой х..ней?», – подумал неожиданно, и стало тоскливо. Тупо смотрел в серое небо, маячившее за окном. Ирина Николаевна ещё раз проиграла на фортепиано отрывок из второго квартета. Никита поднялся с места, нотный лист от резкого движения слетел с парты, рванул вслед за ним, но не догнал. Упал на пол, так и остался там лежать. Никита чувствовал это, хотя не оглянулся. Хлопнул дверью, и побежал вниз по лестнице.

Дома, ещё с порога, сразу услышал, как что-то шипело на сковородке. Пахло бефстроганов.

– Мам, – крикнул. – Я завалил итоговый диктант на сольфеджио.

Зачем это сказал, сам не знал. Просто был очень расстроен. Почувствовал необходимость с кем-то поделиться. Пусть и в шипящую пещеру маминой кухни. Но она откликнулась:

– И хорошо.

Никита удивился. Настолько, что, только скинув ботинки, зашёл без приглашения в мамину святая святых. В куртке.

Она смотрела прямо на него, повернувшись спиной к шипящей плите.

– Уходи из музыкалки.

В её глазах светилось непривычное сочувствие.

– Почему? – это было единственное, что Никита смог произнести.

Она взяла его за руку и усадила на стул. Сама села на корточки напротив, всё ещё держа за руку. Во взгляде и прикосновении теплом шла приятная нежность, которая Никиту пугала. В ней просыпалось узнавание.

– Но мне нравится музыка, – сказал растерянно. – Я хочу ходить в музыкальную школу.

– Нет, – она схватилась за виски. – Этого не может быть. Не обманывай меня. Ты же всегда возражал против музыкалки. Говорил, что туда ходят только девочки и ботаны... Прости, я не буду заставлять тебя больше. Мой милый...

Мама стремительно обхватила двумя руками его лицо, крепко сжала щеки. Не больно, ладони у неё были тёплые и мягкие. Но неприятно, будто лицо попало в нежный капкан, из которого невозможно выбраться.

– Мам, ты о чём? – Никите становилось все страшнее. – Когда я такое говорил? У нас же будет группа: я, Рай и Валик на синтезаторе. Помнишь? Я хочу учиться музыке. Мы девочку уже нашли, которая хорошие тексты пишет, она согласилась для нас стихи...

Он говорил быстро, но уже понимал, что мама не слышит ни одного слова. Попытался вырваться из капкана её рук, но она давила на его подбородок с непривычной силой, и с жадностью смотрела в глаза, словно после долгой разлуки, а щеки её стали мокрые и блестящие от слез.

Эти тонкие ручьи расплывались морщинам, углубляя их, и от этого становилось ясно, что мама уже совсем скоро станет старухой. Откуда, бог ты мой, когда мама успела так одряхлеть? Она, красавица, самая прекрасная во всем нашем дворе, и даже в районе. Помню же, помню, что ещё совсем вчера мужики головы сворачивали, когда мы с ней шли по улице, когда заходили в тот, угловой магазинчик, где обязательно какой-нибудь из этих кобелей, не смея подойти к ней, покупал мне пару конфет и совал в ладошку, как только я отпускал мамину руку. Они надеялись растопить её сердце таким вот приёмом, ниже пояса, но мама оставалась невозмутимой, а я быстро съедал конфеты и нагло подмигивал неудачнику. Кто эта ужасная женщина, которая плачет сейчас и держит моё лицо руками, и вглядывается в меня? Кто она – с поплывшим вниз лицом, с грязно-серыми жидкими паклями, с сеткой морщин, в которых собираются слезы?

Меня затрясло от жалости и брезгливости, я ненавидел себя за это гадкое, но праведное чувство, но чем судорожнее она хваталась за моё лицо, тем больше я зверел.

– Почему? – вдруг выкрикнул я. – Почему ты такая старая? Мама, почему ты стала такой старой?

Выкрикнул это и сам замер от неожиданности и ужаса. Потому что это кричал не Никита, а тот самый, затаившийся в нём, который все чаще поднимал голову. И магазинчика никакого на углу не было, и никто не совал ему конфеты в надежде на мамину благосклонность. Они затаривались с отцом по выходным в супермаркете на окраине города, по маминему списку, сама она давно уже никуда не выходила. Отец, наполнив продуктами кухню, опять уезжал в одну из своих длинных командировок.

– Данечка, солнышко моё, мальчик мой.... Я так соскучилась...

Мама стала совсем похожа на безумную, говорила, задыхаясь, с жутким присвистом, казалось, ей не хватало воздуха, и она пыталась, всхлипывая, втянуть его из окружающего пространства, вдруг ставшего космическим вакуум. Никита не выдержал, рванулся из её рук, грубо, дерзко, толкнул в бок с внезапной злой силой, которую сам не ожидал от себя. Кажется, сделал ей больно, мама непроизвольно охнула, схватилась сразу и за ушибленное плечо, и за вывернутое запястье. Но в глазах оставалось все то же безумие: она смотрела прямо на Никиту, но видела кого-то другого.

– Я не буду больше тебя заставлять, не буду, не сердись, – мама продолжала лепетать жалобно, все с тем судорожным присвистом, умоляла о чём-то, совершенно непонятном.

– Иди ты, – крикнул он, и выскочил из кухни. Вслед летел этот полушёпот-полусвист, слова сливались в один размазанный по воздуху ужас, уже теряя смысл, оставаясь просто звуком. Он выскочил на улицу, но тихий крик его, но совершенно чужой мамы преследовал ещё долго, отдавался до мельчайшей ноты в ушах, и мальчик побежал, куда глаза глядят. Просто побежал по улице, распугивая редких прохожих, словно спасаясь от погони.

Потом остановился, перевёл дух и набрал Касин номер. Непонятно зачем, но позвонил ей.

Оказалось, что Кит стоит прямо перед кинотеатром, поэтому не очень долго думая, выпалил:

– Пошли в кино.

Хлопнул рукой по карману, в нем брякнула мелочь и что-то зашелестело. Никита посмотрел на пятисотку и добавил:

– Приглашаю. Попкорн входит в программу.

Кася попыталась кокетничать:

– Ой, я же совсем не могу прямо сейчас...

Кит прервал её:

– Или ты немедленно придёшь, или приглашу кого-нибудь другого. И я совершенно серьёзно...

Видно, что-то появилось в его тоне такое, что подруга оставила свои жалкие попытки сохранить девичью неприступность и заторопилась:

– Да приду я, приду. Где ты?

Он назвал кинотеатр, отключился и плюхнулся на лавочку. Вытянул ноги и закрыл глаза. Думать не хотелось ни о чём.

– Привет!

Открыл глаза и увидел перед собой Касю. Её силуэт заслонил заходящее солнце, тень упала на Никиту, в разреженном свете он плохо видел её лицо. Оно размазалось неясным блином в этом странном закате. Сколько Кит просидел здесь на лавочке до её прихода? Он не знал.

Встал, солнце перевернулось, и лицо Каси снова обрело привычные и распознаваемые черты. Только смотрела она так, будто ожидала увидеть одного человека, а перед ей вдруг оказался совершенно другой.

– Ты...

Она казалась смущённой и выбитой из колеи.

– Ты такой....

У Кита не возникло ни малейшего желания помочь ей выпутываться из фраз и чувств. Честно говоря, ему стало всё абсолютно безразлично.

– Ты такой секси сегодня, – вдруг сказала она, смутилась, но взгляд заволокло истомой.

Никита ничего не помнил об этом фильме. В темноте зала, на последнем ряду, они исступлённо целовались, и боль от ещё не зажившей губы придавала особый оттенок этим сладко-болезненным поцелуям. Уже в начале фильма губа опять лопнула, и во рту появился явственный привкус крови.

– Не останавливайся, – прохрипела Кася, её трясло. Она облизывала вдруг ставшим острым языком его губы, глотала кровь, словно судорожно пыталась утолить давно мучившую её жажду и никак не могла напиться. К моменту, когда пошли финальные титры, подруга вдруг изогнулась в истеричной дуге на мягком кресле, громко застонала, затем захрипела, закатила глаза, и Никита испугался, что она потеряла сознание.

Но Кася тихо и ясно произнесла:

– Я... Ты...

– Нет, – прошептал он. Перед ним танцевала, перегибаясь на блестящий обруч, тонкая девочка. Под её носками шелестела рыжая осенняя листва, и фонарь, которого никогда не было в знакомом дворе, бросал тусклый свет на изломанный временем и каким-то жутким, неизвестным событием, силуэт. На этот образ наплывал, сливаясь с ним, точёный профиль Рая. Его тонкие длинные пальцы растягивались на гитарной деке, едва уловимое движение сильных и одновременно изящных запястий завораживало.

– Козел, – крикнула Кася, и, прямо по ногам Никиты, больно давя каблуками, рванулась в тесном проёме между рядами к выходу. Открывшаяся дверь впустила во все ещё тёмный зал немного света извне, девушка неясным, расплывающимся облаком помаячила в этом сосредоточенном пятне и исчезла. Никита попытался вспомнить её лицо, опрокинутое страстью, но ничего не получилось. Тут же забыл. Кино закончилось.

– Ты не оплакала его...

Голос был женский, но глуховатый. В нём уже сквозило время, делающее людей беспольными. Говорила старуха.

Никита остановился в прихожей, отёрнул руку, потянувшуюся к выключателю. В доме находился кто-то посторонний. Никогда гости не приходили к ним, и присутствие ещё кого-то в маминой вылизанной до стерильности кухне привело его в ступор. Кит застыл около входной двери.

Мама что-то ответила, совсем тихо, так, что слов не разобрать. Глуховатый голос чётко произнёс:

– Три дня назад. Годовщина была три дня назад, и ты никому не сказала? Не устроила поминальный обед, и не слезинки не проронила?

Три дня назад рыжий Эрик разбил Киту губу. Причём Кит не помнил тот момент, как именно это случилось.

Мама опять что-то неразборчиво произнесла.

– Ты понимаешь хоть, что делаешь с Никитой? Он – твой ребёнок, и он живой. Ему сейчас столько лет, сколько Даниле, когда... О, Бог ты мой, Ольга! Ты не понимаешь, что это другая жизнь? Своим безумием ты навлечёшь беду. На всю свою семью.

Вдруг мамин голос резко налился какой-то силой:

– Я не знаю никакого Никиты. У меня один сын, Данила.

– Ты дура! – собеседница явно вышла из себя. – Сумасшедшая дура. Нет, хуже. Ты преступница. Убиваешь ребёнка, который даже не догадывается о том, что с ним делают.

– Глупости. – Мама вдруг засмеялась неприятно и страшно. Словно огромный давным-давно заржавевший механизм вдруг пришёл в действие, преодолевая запустение и тлен. Скрипя и подвывая при каждом повороте. Смех, казалось, в ней окостенел, застыл, покрылся ржавчиной.

– Ты просто давно его не видела. Он сильно вырос. Ему уже шестнадцать. А все такой же – милый хулиган. Меня часто вызывают в школу за драки и плохие оценки, но он такой обаятельный, что ему все прощается. Знаешь, мне кажется, ему очень нравится соседская девочка. Её зовут Алла.

– Ольга, Ольга, – во втором голосе прозвучало отчаяние на грани возможного. – Опомнись...

Раздались торопливые шаги, и в коридор, где Никита безмолвно подпирал затылком доисторический, но мягкий пенопласт, пытаясь понять, о чём вообще говорит мама, выскочила сухонькая старушка. Она вскрикнула от неожиданности, когда увидела его, и схватилась руками за голову. Волосы у неё были изумительно красивые, абсолютно белоснежные, густые и немного волнистые. Никита никогда ещё не видел столь красивой седины.

– Данила?! – в ужасе выкрикнула она, – или... Никита?

Кит сделал шаг к ней, потому что побоялся, что она вот-вот упадёт.

– Прости, Никита, – уже совсем мягко сказала старушка. – Мы не знакомы с тобой. Я...

Что-то внутри мальчика рванулось навстречу незнакомке, и он, совершенно не ожидая от себя, произнёс:

– Баба Клава!

Затем он почему-то залился не своим – счастливым, и даже каким-то по-детски озорным смехом, и продекламировал:

– «Едем-едем на лошадке по Дороге гладкой, в гости нас звала принцесса кушать пудинг сладкий»?

Одна часть его в панике сползала в полуобморочном состоянии по стене в прихожей, другая при полном счастье рванулась навстречу незнакомой женщине, приговаривая какой-то дурацкий стишок.

– Боже мой! – она отшатнулась от него. – Боже мой! Что ты наделала, Ольга...

Хотя мама все равно её не слышала, продолжая жить какой-то своей жизнью, кухонной и отдельной от всех.

Бабушка оказалась довольно шустрой, а может, от ужаса, который выступил катализатором всех её внутренних сил, но она проскочила мимо Никиты и рванула вниз по лестнице с такой скоростью, что он догнал её только на улице.

– Подождите, – попытался схватить её за острый локоть, как можно мягче, но, наверное, все равно сделал больно, потому что она, остановившись, повернула перекошенное гримасой лицо.

– Прости меня, мальчик, но не могу, не могу, – баба Клава дёрнулась, стараясь вырваться, она не смотрела в глаза, отворачивала лицо, словно Кит казался ей настолько безобразным, что даже один взгляд мог испортить настроение на целый день.

– Я просто хочу поговорить с вами. С мамой ... Вы... Только что.... Что это было? – Кажется, он почти кричал, потому что прохожие стали оглядываться. Сгущалась атмосфера подозрительного напряжения.

Она набралась мужества и посмотрела ему прямо в лицо. Цвет её глаз – серый, размытый, туманный взгляд катил волну щемящего узнавания. Сквозь эту умную и настороженную пелену просачивались видениями фрагменты жизни, которую Никита не знал. Одновременно и детальные, какими бывают настоящие воспоминания, и неясные, как кадры из когда-то просмотренного фильма.

Огромный домашний цветок, который она пересаживает из одного горшка в другой, что-то ласково приговаривает и отстраняет мальчика тихонько вымазанными в земле руками. Он вертится, с восторгом непослушания хватается за толстый ствол цветка, дёргает его, горшок летит на пол, в лицо сыпется мелкой дробью мокрая земля, в тот же момент – резкая боль в глазах, и крик. Резь усиливается, не может открыть глаз, текут слезы. Это так странно – слезы, не переставая, текут только из одного глаза. Человек в белом халате выворачивает Киту глазное яблоко, у него это получается очень просто, а мальчик замирает от этой странной манипуляции. Врач обращается к бабе Клаве, которая оказывается с нами в этом кабинете: «Покапайте капли, слизистая натёрта, ещё некоторое время будет болеть».

Она прижимает маленького Никиту к себе, пахнет привычно и успокаивающе слобой и корицей. Баба Клава такая мягкая, покачивает его на коленях: «Едем, едем, на лошадке по дорожке гладкой» ...

– Я помню, – Кит говорит уже совсем тихо, и отпускает её локоть. – Цветок помню, мне попала земля в глаз. И булочки с корицей. Я помню.

– Ты не можешь помнить, – с какой-то неземной тоской в голосе говорит она ему. – Не можешь. Мы никогда не виделись с тобой, Никита.

Баба Клава плачет совершенно беззвучно, на сухую, только глазами без слез, но Кит понимает, что она плачет.

– Твои родители уехали, когда ты ещё не родился. Сегодня я виделась с твоей мамой впервые за семнадцать лет. И мне пора.

В её размытом взгляде было столько же любви, сколько и безнадежной тоски.

– Вы кто? – все так же тихо спросил Никита. Хотя уже не держал, она не делала попыток убежать.

– Твоя бабушка, – сказала просто.

– Но мне говорили, что у нас не осталось никого из родственников.

– Твоя мама, да. Она сказала. Когда-то случилась трагедия. Мы жили в одном городе. Ольга просто не хотела вспоминать об этом. Поэтому они переехали сюда. И оборвали все связи с прошлым.

– Трагедия? Какая? – он ничего не знал. Хотя, нет. Наверное, знал. Чувствовал. Может, с самого младенчества чувствовал, что что-то в их семье идёт не так. Неправильно.

– Спроси у неё, – сказала баба Клава. – В конце концов, это ваша жизнь. Уже не моя. Не имею права, и ничего не могу сделать. Уже слишком поздно. По крайней мере, я попыталась. Прощай.

Она вдруг крепко обняла Никиту и протяжно всхлипнула. С шумом и свистом, но все так же, не проронив ни слезинки, всухую.

– Милый мой, держись. Бедное дитя. Дитя... трагедии.

Она резко отстранилась и быстро, не оглядываясь, пошла вдаль по улице, оставив Кита совершенно растерянного, с нелепо растопыренными руками, стоять на перекрёстке.

Москва. 29 лет назад. Нил

Митька смешно закусил губу, стараясь не смотреть на рваную рану, прорезавшую его лодыжку. Он изо всех сил пытался показать, что ему не больно.

– Эй, раненый боец, – я вылил на его ногу банку пива. Оно зашипело и поползло вниз, окрашивая и без того грязную кожу пивными разводами.

– Ты идиот? – заорал Митька. – Водой надо чистой! Будет заражение!

Он хлюпнул носом, и все-таки, не удержавшись, взвыл. Я похлопал его по плечу.

– Спиртом лучше всего. Но водки нет. Есть только пиво. В нем, наверное, тоже есть что-то обеззараживающее.

– В чем смысл? Тырить это, чтобы потом вылить?

Он кивнул на ящик с пивом.

– Шустрый простит нам одну банку, – чуть подумав, убежденно произнёс я. – Тем более что он нам проценты все равно зажимает.

– Кстати, о процентах, – Дрюня сидел с задумчивым, отстранённым видом, не реагируя никак на Митькины страдания. – Нил, ты бы поговорил с ним...

– И что ему скажу? – я снял футболку, прикинув, что она не то, чтобы совсем чистая, но для начала сойдёт. Стал стирать уже вовсю воняющую пивом грязь с Митькиной ноги. В конце концов, он пострадал за наше общее дело, упав с забора на доску с гвоздём, когда мы перебрасывали этот ящик с территории магазина. – Он же прекрасно знает, что товар того... Откажется принимать, и как мы?

– Можно подумать, что киосков мало открывается, – пожал плечами рассудительный Дрюня. – С кем-нибудь договоримся...

– Киосков много, но Шустрый – один. С ним мы далеко пойдём. Он – финансовый гений.

Рана на ноге, когда я немного оттер кровь и грязь с Митьки, оказалась не такой страшной, как мне виделось ещё несколько минут назад:

– Зуб даю, он скоро развернётся до международного уровня.

Дрюня хрипло рассмеялся:

– И мы будем на международном уровне тырить и сдавать ему ящики с дешёвым пивом. Не смей меня.

Митька, обиженный нашим равнодушием к его страданиям, негромко, но красноречиво взвыл. Я обернул его лодыжку своей футболкой, проверил узел, чтобы он не размотался в самый неподходящий момент:

– Угроза жизни миновала.

Повернулся к Дрюне и повторил:

– Зуб даю, он за кордон выйдет. У него уже четыре киоска в нашем районе, и он договаривается с ивановскими, чтобы зайти к ним. Поэтому и платит мало. Ему для развития бизнеса бабло нужно сейчас. Чтобы ивановским отстегнуть.

– Добром это не кончится, – Дрюня наконец-то соизволил повернуться к Митьке и кивнуть ему.

– А ты вообще слышал, что в двухтысячном году наступит конец света? – задумчиво спросил я. – Так что ничего не кончится добром. Вообще. Всем нам скоро будет крышка. Ладно, тараньте этот ящик Шустроуму и не гундите.

– А ты? – Митька поднял на меня своё доверчивое конопатое лицо.

– У меня музыкалка.

– Зачем ты вообще туда таскаешься? – Дрюня выходил из себя, как только я упоминал свои эстетские занятия, по его мнению, подрывающие мой имидж. – На фига тебе это надо? Тебя все равно вот-вот попрут оттуда, пианист хренов...

Я внимательно посмотрел на него:

– Так хочет моя мама, Дрюня. А я очень люблю свою маму.

... Смотрел на фото, и знал, что у Митьки под штаниной скрывается свежий шрам. Несмотря на то что это конопатое лицо, открытое объективу, светилось счастьем и удовольствием жизнью, чувствовал, что его рана всё ещё ноет.

Никита обхватил голову руками. Потому что не знал никакого Митьку. И никогда не тырил ящики с пивом. И в то же время знал и тырил. И очень беспокоился за Аллу, которая по ночам, скрываясь от пьяного отчима, сходящего с ума в белой горячке, танцевала с обручем под тусклым светом фонаря.

Вчера поздно вечером он видел, как Алла тренируется во дворе. Значит, дядя Коля опять ушёл в запой, а она ушла из дома. Всегда готовится к районным соревнованиям во дворе, чтобы не терять «запойного» времени. И поздно вечером, потому что стесняется.

Она сказала однажды: «Ты мой рыцарь, Нил», и улыбнулась чуть заметно – только дрогнул краешек рта, там, где на верхней губе прорезалась трещинка. Он пялился на её губы как зачарованный, не мог оторвать глаз от этой тонкой чёрточки. Прядь русых волос метнулась по половине лица, когда Алла качнула головой, скрыла эту трещинку. Он пришёл в себя.

– Просто твой сосед, – сказал ей. – И твой друг.

– Я бы хотела, чтобы ты был моим старшим братом, – ответила она. А он упрямо и настойчиво повторил:

– Твой друг.

Потому что совершенно не хотел быть её старшим братом.

Раздался странный звук. Музыка. Музыкальная тема Она как-то требовательно верещала из странного плоского четырёхугольника, брошенного на кровати.

Мобильный. Черт, наверное, это Рай, он опять не пришёл на репетицию. Надо ответить. Что он скажет?

Что-то было не так. Он настороженно огляделся. Комната казалась и знакомой, и незнакомой одновременно. И этот кусок пластика продолжал вопить.

Никита подцепил зелёную трубку на экране вправо. Его вызывал Рай.

Из четырёхугольника раздался голос:

– Кит, что опять у тебя стряслось? Это не совсем ужасно?

– Кто это? – спросил он. – Я не Кит. Чувак, ты не туда попал. Набирай внимательней.

– Кончай прикалываться, – засмеялись на том конце эфира. – Если шутишь, хоть и по-дурацки, значит, живой. У нас – репа, забыл? Валик уже здесь. И Ирма тоже. Ждём тебя.

– Какая репа? Сказал же тебе, я не Кит.

Телефон перехватили, в ухо ударил звонкий девчачий голосок:

– Никита, дуй сюда. Я переделала «Тайну». Это лучше намного, правда! Валик с Раем тоже сказали, что классно.

– Ирма, – сказал он, – Привет! Я не могу сейчас... Эй, это вы кончайте прикалываться. Я не знаю никакого Кита, и никакого Никиты тоже не знаю... Ирма, скажи пацанам, что завтра Приду на репу завтра. Прости.

Дал отбой, и швырнул мобильный обратно на кровать. Это было уже слишком. Кто-то лез из него в этот мир, грубо расшатывая локтями разум. Сначала Никита подумал, что это очень похоже на вторжение инопланетян в тела землян с целью экспансии. Потом ужаснулся не фантастическим, а реальным мыслям. Бросился к ноутбуку и забил в поиск «шизофрения», кликнул на первую же ссылку в своём запросе.

«Параноидная шизофрения ... такие симптомы, как бредовые и галлюцинаторные нарушения... подразумевают под собой возникновение проявления в виде навязчивой идеи. Галлюцинаторными расстройствами называют нарушения психического состояния, когда человек начинает видеть, слышать или чувствовать то, чего на самом деле нет. У больного наблюдается проявления в виде нестабильного настроения, частых перепадов настроения».

Кит тихонечко и безнадежно завыл. На него накатывалось что-то совершенно неподвластное воле. И не знал, сможет ли сам справиться с этой страшной неизвестностью. Рассудок подсказывал: помощи ждать абсолютно неоткуда. Тогда мальчик сделал единственное, что ему оставалось – он сильно разозлился.

– В двухтысячном году никакой конец света не наступил, урод, – сказал он своему безумию. – Придурок, ты даже этого не знаешь...

...Нил, для которого не существовало вчера и завтра, а только бесконечное тревожное сегодня, сонно заворочался в нём.

– Тише, – сказал ему Кит, – Это просто воспоминания. Спи, брательник. До ночи ещё далеко.

Он сказал это тихо, но в пустынном коридоре, сквозь жужжащую пелену звуков, слова его эхом покатались куда-то вдаль, запрыгали мячиками по лестнице вниз и растворились в невидимом глазу далеко.

Глава десятая. Негля

Проигравшихся, зажав в плотное кольцо, вели по узкой лестнице вниз. Жертвы шли с сонными глазами, неестественно согнув колени в полуприсяде, словно у них подкосились ноги.

Гай почему-то отправился за ними. Лагиры, как назвала их несчастная барышня, сворачивали в гардеробную, брали с вешалки плащи с пелеринами и пропадали в скученности висящей одежды. Назад не никто не возвращался. Гай встал в эту странную одностороннюю очередь, а когда оказался в гардеробе, сквозь пордевшую стену плащей увидел за вешалками ещё один выход.

Он вскоре убедился, что лестница ведёт вниз, спускается в какой-то подвал. Если Гай до этого пытался приспособиться к болотному смраду, пропитавшему дом, то сейчас запах стоячей, протухшей воды становился всё нестерпимее. Стены узкого спуска с крошащимися под ногами ступенями сначала были сухими, по ним плясали, вытягиваясь и сжимаясь тени их растянувшейся процессии – человек десять старинных персонажей, Гай, да уже невидимые впереди Боня сотоварищи. Их отражения сливаясь в одну большую и грозную тень, затем разбиваясь снова на множество незначительных, человеческих.

Лестница, сделав несколько кругов по спирали, наконец-то закончилась. Какое-то время они ещё шли по узкому и низкому подземному проходу, который, продолжаясь, расширялся и рос ввысь осклизлыми сводами. В конце концов, компания очутилась в большой пещере. Во все стороны от неё щерились норами пугающие тоннели, тёмные и неприятные. Даже на расстоянии веяло непредсказуемостью и мглой.

– Негля, – один из молчаливых смокингов вдруг повернулся к нему и счастливо улыбнулся. – Вместе с ней и поднимемся.

– Глубоко здесь? – спросил Гай.

– Кому как, – незнакомый смокинг засмеялся, и его смех прозвучал неестественно под этими низкими сводами.

– Пойдите! – Гай попытался схватить его за руку и спросить, не лучше ли ему вернуться назад, но неожиданный собеседник нырнул в один из наиболее сухих тоннелей, и наш герой тут же потерял его из вида.

Гай ринулся за ним, и вскоре обнаружил, что плоскость тоннеля поднимается вверх. Он зажмурился – после мрака подземелья ярким показался даже свет из проломанного потолка в каменном мешке.

Место было смутно знакомое, но тем не менее неузнаваемое. По «берегам» разлившейся реки в зловещем свете уличных фонарей прогуливались силуэты, которые Гай уже не мог назвать людьми. Девушки с бледными до зелени, вытянутыми от вековой печали лицами; дамы в пышных нарядах смотрели в лорнеты, жадно выискивали кого-то на этих мёртвых берегах; щеголеватые молодчики в военной форме образца, кажется, позапрошлого века, господа в чопорных головных уборах...

Словно здесь и сейчас снимали дешёвый исторический сериал, где продюсер зажал деньги на приличные декорации и костюмы, и всё убожество дешёвизны закрыли серым артаусным смогом и выцветшими театральными костюмами, нещадно сдаваемыми в аренду уже не первое десятилетие.

Поперёк этого псевдоисторического променада высился, соединяя призрачные берега, незнакомый Гаю трёхпролётный, многоарочный, белокаменный мост. С двух сторон к нему вели высокие подъездные насыпи, утопленные в массиве реки, вышедшей из берегов, по обе стороны теснились каменные и деревянные здания. По мосту тоже гуляли, уже широко, не сжимаясь, но всё так же потерянно и нелепо.

Гаю показалось, что среди призрачной, размытой толпы мелькнуло перекошенное параличом лицо девочки-ваганьки, но видение тут же скрылось. Он даже не успел испугаться: тут же увидел, как в приличном, хотя и старинном одеянии мужчина средних лет при седеющих бакенбардах и бороде, встал на четвереньки у самого края реки, и жадно, по-собачьи, начал лакать мутную, дурно пахнущую воду.

Боясь провалиться в реку, не зная, где начинается в ней топь, Гай осторожно, стараясь не задевать неприятных прохожих, направился к мосту. Среди прогуливающихся он почувствовал какое-то оживление. Попадающиеся на пути ряженные поворачивали вслед за ним головы в старинных причёсках, он слышал даже, как они с шумом втягивают воздух, вдыхая его запах. Гай готов был поклясться, что они принимают к его следам. Кто-то схватил его со спины за футболку. Не оглядываясь, Гай вырвался, побежал, не обращая внимания, на то, что толкает встречающих, сам больно врезаясь во что-то или в кого-то на пути, шваркаясь плечом о близкие, неминуемые стены.

Его рывок никого не удивил, фигуры двигались, словно слепые, только напряжённо раздували ноздри ему вслед. Он махом поднялся по раскисшей, вязущей ноги насыпи, прислонился к холодному и мокрому камню мостовых бортов и перевёл дух. Глянул вниз, на берег. Там всё опять двигалось в том же ритме и темпе, как будто он минуту назад и не мчался, расталкивая прохожих.

Кто-то тронул его за рукав, Гай вздрогнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. Это был Поль, всё так же безмятежно дымящий тонкой папироской, которая, казалось, приросла к углу его рта. Он с каким-то брезгливым радостным презрением прищурил глаза и спросил:

– Зачем вы пошли с нами, Гаевский?

Гай замешкался, растерялся, и, повинувшись вопросу, действительно читаемому в лихих глазах Поля, пролепетал:

– Так меня же позвали...

– И вы всегда идёте туда, куда вас зовут? – голос лагира звучал уже издевательски.

Гай понимал, что вот прямо сейчас он должен оскорбиться и, может, даже дать по морде этому наглому Полю. Но время текло так непривычно медленно, и обстановка виделась ему настолько более чем странно, что Гай решил проглотить обиду.

– А кто они все? – миролюбиво переводя разговор на другую тему, он махнул рукой в сторону призраков, «гуляющих» по берегам несуществующей реки.

– Пленники Негли, – пожал плечами Поль, словно ему приходилось объяснять всем известные вещи. – Спасённые Неглей.

– Негли? – переспросил Гай.

– Похороненной заживо реки, – ещё более непонятно уточнил его странный собеседник. – Вас когда-нибудь хоронили заживо, Гаевский?

Поль засмеялся своей дурацкой, совершенно несмешной шутке, а Гай невзначай понял, что ни разу не видел, чтобы тот брал новую папироску или прикуривал. Казалось, что уже несколько часов, пока длится этот то ли сон, то ли кошмар наяву, в углу рта Поля дымится всё одна и та же тонкая, дамская, изящная палочка для курения. Лагир почувствовал, что Гай его не понял, и добавил ещё:

– Река разливается во время дождей, вырывается из своей могилы. И мстит. И все души, что унижены и погублены на её берегах, тоже выходят на поверхность.

– А...вы? – Гай спросил, леденея от собственной дерзости. Но Поль ответил довольно благодушно:

– А мы что? Как мы можем быть исключением? Но...

Лагир вдруг хитро и по-свойски подмигнул Гаю.

– Всем хочется быть исключением, так ведь? Явлением уникальным и выпадающим из общих норм и правил. Только не у каждого на это хватит мочи и внутренней силы. Так вот

что я вам скажу, Гаевский. В такие ночи, как эта, если повезёт, можно стать исключением. Негля не против.

Гай подумал, что совершенно спокойно, будто так и должно быть, разговаривает сейчас с кем-то вроде призрака. Но даже это осознание не вывело его из тягучего транса, где всё – и мысли, и движения, и намерения – превращались в тягучее, липкое варенье. Они помолчали немного, взирая сверху на силуэты, потерянно двигающиеся вдоль зданий внизу.

– Пойдёмте со мной, – сказал Поль, решив, очевидно, что разъяснений с Гая хватит. – Делать вам тут, право слово, абсолютно нечего.

Он быстро и размашисто отправился к насыпи, чтобы спуститься с моста, уверенный, что собеседник беспрекословно пойдёт за ним. На спуске Гай поскользнулся, испугано скатился по глинистому откосу вниз, кажется, сильно разорвал руку. Из-за налипшей грязи глубины царапин не просматривалось, но кровь сочилась сквозь земляную корку. Поль резко остановился, повернулся к барахтающемуся на земле Гаю, который больше всего на свете боялся сейчас упасть в эту мутную, мёртвую реку, протянул ему руку с выражением брезгливости на лице.

– Цените мою доброту, Гаевский, – сказал, вытирая испачканную ладонь изящным кружевным платком, который достал из нагрудного кармана накрахмаленной сорочки. – Я не убил вас ни третьего дня, ни сегодня... Хотя имею полное право.

– Что вы имеете в виду? – Гай двинулся за своим спутником медленно и осторожно, тесно прижимаясь к сырým стенам зданий, стараясь не ступить глубоко в воду.

– Я ничего не имею, – бросил через плечо Поль. Он тоже ступал осторожно, но уверенно. Казалось, он тоже старается не касаться воды, даже совсем мелкой у берега. Но шёл довольно бодро вперёд, не останавливался ни на секунду.

Здания становились всё узнаваемей, деревянные постройки с непонятными «ятьними» вывесками исчезли, впереди явно замаячил Детский мир, от которого в перспективе угадывалась огромная площадь. По мере удаления от залитой водой мостовой, лужи становились всё обычной, и дождь становился просто противным, а вовсе не ирреальным.

Они прошли молча дальше, и Гай уже не удивлялся, что даже в этом проявляющемся знакомом ему мире, прохожие встречались редко, торопливо и сосредоточенно, а автомобили, обычно сплошным потоком заполняющие Лубянку, в эту ночь словно старательно объезжали стороной это место. Откуда-то со стороны доносился шум моторов, но издалека. На перекрёстке лагир резко остановился. Остановился и Гай.

– Вы фраер, Гаевский, – сказал ему Поль, – безнадёжный лох и бесхребетный трус. И всегда таким были. Но я не мог отказать себе в удовольствии, чего бы мне это ни стоило. Держите на удачу.

Гай машинально взял какие-то небольшие картонки, которые ему протянул лагир. Вопросительно посмотрел на него. Поль кивнул, развернулся и лёгкой счастливой походкой ушёл прочь под сплошным ливнем по улице, ставшей вдруг бесконечной.

– А что будет с этим... Как его? С Боней?! – вдруг вспомнив, закричал Гай, но то ли крик его оказался слишком тихим, то ли дождь перебивал своим дробным громким шорохом все звуки, но лагир явно ничего не услышал. Он не остановился ни на секунду, и сразу растворился в серой дождливой пелене.

Гай смотрел вслед, почему-то жалея, что Поль уходит, ему вдруг захотелось ещё хотя бы раз встретиться с этим ужасным человеком, наверняка безнравственным жуликом. Но было что-то в Поле бесшабашное, энергия какого-то иного порядка, такая, которая редко встречается у людей. Хотя, кажется, и у призраков тоже.

Он ненавидел Поля, и в то же время хотел быть с ним рядом. Может, даже дружить. Да, именно, хоть это и было неловко, Гай признался себе, что хочет иметь такого друга, как Поль. Наверняка и Кит бы с ним сошёлся. Они одной породы. Словно аккумуляторы, которые заря-

жают неистовым стремлением к жизни. Обладающие этим бесценным сокровищем, которого так не хватало ему.

– Как это может быть, если он по ту сторону? – спросил сам себя Гай, и, не дождавшись, естественно, ответа, наконец-то посмотрел, что вручил ему этот наглый обаятельный пижон. Это были три карты: туз, король, валет. Подземная тройка. Он каким-то непонятным образом заполучил её.

Не зная, ужасаться ему или радоваться, Гай засунул карты в карман джинсов и побрёл в сторону пристанища, которое ныне служило ему домом. Внезапно на хмурые улицы упал, словно прорвавшись из небытия, рассвет. Тусклым облачным солнцем позолотило враз маковки церквей. Эта длинная странная ночь, ушла, унося с собой тени, призраки и сожаления о неслучившемся.

С противоположной стороны улицы Гай заметил, что дверь в ночной игорный дом открыта. Словно приглашая его посмотреть в лицо своему недавнему кошмару. Три карты в кармане разливали вокруг себя приятное тепло, как будто аккумулировали в нём энергию и желание знать правду, какой бы она ни была. На первом этаже у выхода увидел знакомый табачный ларёк, нафталиновая гардеробная исчезла, но он даже почему-то не удивился. Часть стены, где совсем недавно открылся вход в подzemелье, скрывалась за громоздкими витринами с сигаретами, напитками и всякой сопутствующей ерундой типа жвачки и шоколадок.

Из-под прилавка вынырнул чернявый паренёк. Он виновато и раздражённо посмотрел на Гая:

– Мы закрыты, закрыты ещё... После девяти заходи.

И замахал рукой в сторону вывески, подтверждая свои слова неоспоримыми документальными фактами.

– Я не... – по своему обыкновению начал мямлить, словно оправдываясь, Гай, но тут же в голове у него прозвучали презрительные слова Поля «Вы безнадёжный лох, Гаевский», и ему стало неловко перед отсутствующим лагиром.

– Вы на ночь сдаёте кому-нибудь помещение? – Гай сказал это таким тоном, как будто имел на вопрос полное право. На секунду ему показалось, что это Поль говорит за него.

– Не-е-т, – голос парнишки стал растерянным, а глаза забежали, поехали в разные стороны, как у человека, которого застали на месте с поличным.

– Слушай, – всё так же убеждённо произнёс Гай, – я знаю, что кто-то тут бывает по ночам. Говори, что тут происходит, и тогда я ничего не скажу твоему хозяину.

– Ты им должен? – скошенные от страха зрачки парнишки вернулись на своё законное место.

Гай неопределённо кивнул. То ли должен, то ли нет, но сразу понятно, что он в курсе всего.

– Я тут не при чём, – доверительно сообщил черноглазый. – Пацаны просто собираются поиграть. Я их и не знаю совсем. Они обещали, что всё будет чисто и тихо. Если у тебя неприятности из-за них... Я всё равно уже забрал ключ, они так и не заплатили за последнюю ночь. Мне проблемы не нужны. А деньги...

Он неосознанно погладил рукой барсетку у себя на поясе, но тут же передумал.

– Деньги ты всё равно не вернёшь. И у меня пусто сейчас. Не говори никому, ладно?

Гай строго покачал головой и вышел из этого странного табачно-кофейно-игрушечного заведения. Он попробует найти концы этой истории, но чуть позже. Когда выпится.

Как-то Гай дошёл до дома, сбросил мокрую, грязную одежду и, даже не умывшись, залез под одеяло. Несколько минут его колотило ознобом, а потом он почему-то сразу провалился в сон. На тонкой грани яви и навиги он вдруг вспомнил слова несчастной Фанни, лица которой он так и не увидел за густой вуалью на лице, «Найди меня», и ещё успел задать себе риторический вопрос, что она всё-таки имела в виду, как тут же упал в спасительную ночную бездну.

Глава одиннадцатая. И утром кошмар не закончился

Этот сон просто ужасен.

Так подумал Гай и открыл глаза. Да, это, скорее всего, сон. Он натянул одеяло до подбородка и собирался опять заснуть, надеясь, что на этот раз увидит что-то более приятное. Но тут же почувствовал, что в комнате кто-то есть.

Гай резко приподнялся на кровати. У стола на краешке рассохшегося стула сидела Лида. Неестественно прямо, изящно подогнув ноги под сидением. В промокшей насквозь ночной рубашке. С её волос тоненькими ручейками стекала вода.

– Лида! – удивлённо произнёс Гай. Он удивился, да, но почему-то совсем не испугался. – Куда вы тогда делись со двора? И ... чем я обязан вашему визиту?

Он замешкался, растерялся, не знал, как ему говорить с ней после всего случившегося. И тут же подумал, что подобную манеру общения, он явно подхватил у чёрных лагиров. «Но, позвольте, – почему-то опять высокопарно подумал Гай, – какие лагиры, если это был просто кошмарный сон?». И...

Тот, другой сон... Помнит она, или губы её, раскрывающиеся лепестками навстречу, – это только его, Гая, фантазия? И ещё один сон... Или не сон? Гай незаметно потрогал чёрный синяк, ноющий сбоку. Лида заметила это движение:

– Вам больно? Вам, наверное, очень больно

Гай торопливо помотал головой, натянул одеяло повыше. Как она появилась в его комнате? И тут его осенило.

– Лида, – спросил он. – Скажите честно, вы родственница Аристарха Васильевича? Внучка? Племянница?

Это же так просто: внучка Аристарха Васильевича взяла у старика связку ключей от квартиры и теперь разыгрывает его, Гая, своими внезапными появлениями. Шутка, конечно, так себе, но Гай понимал, что чувство юмора у людей бывает очень разное. Часто то, что казалось другим невероятно весёлым, совершенно не смешило Гая. И наоборот.

– Блин, я чуть было не попался!

Он счастливо рассмеялся. Лида зябко повела плечами:

– Живу? Аристарх Васильевич? Может быть... Не знаю...

«Если ей так нравится это игра, я вполне могу подыграть, – подумал Гай. – Это даже очень волнующе: незнакомка, которая неизвестно откуда появляется и растворяется в той же неизвестности».

Казалось, она не придавала никакого значения его догадкам. словно её это совершенно не волновало.

– Я просто пришла поблагодарить вас за то, что заступились. Но, наверное, это...слишком? Я прошла сюда и всё...

Гай судорожно соображал, как ему подняться, чтобы Лида не заметила, что он без штанов. Нужно одеться и продолжить светскую беседу со всеми вытекающими «чем обязан» и «но позвольте». Миссия казалась невыполнимой.

Он, смущаясь, попросил:

– Вы бы не могли на минуту отвернуться?

Девушка не поняла:

– Куда?

– Просто... Извините... Просто не смотреть сюда, пока я встану и приведу себя в порядок? Я немного не одет...

– Ах, – сказала Лида и теперь тоже засмушалась, кажется, на её бледном до серебристости лице робко вспыхнул румянец неловкости, – извините, я ведь явилась без приглашения. Но поймите... Хотя в этом нет никакой моей вины, я чувствую себя ужасно.

Впрочем, произнеся эту извинительную речь, она даже не шелохнулась. Продолжала сидеть в той же самой элегантной позе, смотрела на него большими размытого то ли серого, то ли бледно-зелёного цвета глазами. Гай закутался в одеяло, придерживая на поясе плотную мягкую ткань, встал. Чувствуя, что Лида не отрывает от него глаз, протянул руку к куче сваленного на полу мокрого грязного тряпья, нащупал холодные, скользкие джинсы.

– Я на минуточку, – он выскользнул из комнаты.

На кухне Гай торопливо влез в противные, ещё влажные джинсы, судорожно пошарил по полкам, в надежде, что там завалялась хоть что-нибудь к чаю. Банка с вареньем, пожалованная ему Миррой, осталась лежать где-то в подворотне, крошечном стекле в красном густом сиропе, разбавленном непрерывно падающим дождём. Картина, возникшая у него в голове, оказалась настолько яркой, что Гай почувствовал, как сырой воздух пахнет малиной. Хотя, конечно, он даже не видел, что осталось от подарка репетитора, который он потерял во время погони.

Нащупав пачку печенья на верхней полке, он удивился, потому что совершенно не помнил, как, когда и зачем её туда засунул. Из прогрызенной острыми зубами упаковки посыпались крошки.

– Крис, твою ж за ногу!

Крис просто растерзал (и, кажется, действие происходило при праведной ярости) упаковочную бумагу и раскрошил в сладкую пыль содержимое. Гай оглянулся вокруг, ища внимательные и любопытные глазки Криса. Наверняка, крысёныш не пропустил это мгновение своего триумфа и затаился где-то, счастливо наблюдая последствия своей мелкой и не достойной настоящего героя пакости.

Гай выбросил истекающую крошками пачку, решив угостить нежданную гостью просто горячим чаем. Похоже, эта девушка дождя всё время мёрзнет, и даже просто горячий напиток будет очень кстати. Лучше бы, конечно, что-то горячительное, но Гай не рискнул ей предложить остатки коньяка, плескавшиеся в пузатой бутылочке с относительно благополучных времён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.